

АЛЕКСАНДР СИЛАЕВ

СЛАВЯНСК

ПОВЕСТЬ

У Дмитрия Михайловича и Варвары Ивановны были две дочери. Старшая — Клавдия — жила с четырнадцатилетним сыном Олегом в Москве, в квартире, оставшейся от мужа. Он, главный инженер на автомобильном заводе имени Сталина, умер от воспаления лёгких, полученного при спасении рабочего, упавшего в котлован с ледяной водой. Младшую дочь Раису вместе с мужем Андреем после окончания Киевского университета распределили в Ворошиловград, в педагогический институт, её зачислили преподавателем немецкого языка, а его как члена партии назначили деканом. Молодую семью вместе с пятилетним сыном Егоркой поселили в общежитии.

В первые же дни войны Андрей ушёл добровольцем в Красную армию. В военкомате, узнав, что его гражданская специальность — география, направили на штурманские курсы.

В июле, когда под Киевом начались позиционные бои, Дмитрий Михайлович разослал письма дочерям, чтобы они с сыновьями перебирались к нему в Славянск, потому что вместе легче пережить лихолетье, и ещё он полагал, что Донбасс больше не отдадут, как это случилось весной 1918 года в результате предательского сговора с немцами Петлюры и гетмана Скоропадского.

По дороге Рая рассказала сыну, что раньше на месте города, где им предстоит жить, была крепость Тор, защищавшая от набегов татар. В конце восемнадцатого века императрица Екатерина II издала указ о её переименовании в город Словенск. Название означало, что он находится на рубеже славянских земель. Жители очень любили свой город, благоустраивали, даже

СИЛАЕВ Александр Евгеньевич окончил геологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работал в полевых условиях, научных организациях, преподавателем, кандидат геолого-минералогических наук, автор 45 научных статей. Александр Силаев пишет в основном прозу, печатался в различных сборниках и журналах.

придумали легенду, что императрица, возвращаясь из поездки в Крым, выглянула из кареты и воскликнула:

— Какой славный городок!

С тех пор, если судьба забрасывала их в другие края и кто-нибудь спрашивал, откуда они родом, с достоинством отвечали, что из Славянска.

С вокзала добирались домой по железнодорожной ветке, она пересекала весь город с конечной остановкой рядом с курортом и соляным заводом. Сели в поезд из трёх вагонов, подвозивший рабочих и служащих на работу. Егортащил смешной паровоз с длинной трубой. Приближаясь к станциям, он отрывисто свистел. Мама назвала его “кукушкой”. “Тоже мне кукушка, — недоверчиво подумал Егор, — не кукует, а посвистывает”, — но вслух, чтобы не обидеть, ничего не сказал.

Сошли на Банковской. Широкую улицу ограничивали тротуары, сложенные красным кирпичом, поставленным на ребро под углом друг к другу. Егорка потопал — они держались крепко.

— Ну что, проверил? — спросила мама. — Убедился в надёжности? — И с гордостью добавила: — Века простоят, не пошевелятся. — Она показала на примыкавший слева переулок: — А теперь в центр!

Главная площадь и прилегающие улицы были вымощены брусчаткой, а тротуары — цветной, с рисунками, керамической плиткой, изготовленной на местном заводе. Егора поразила огромная с золотым куполом церковь.

Уже к ночи приехала Клава с сыном. Они тихо поужинали и легли спать. Рано утром дедушка затопил углём печь и начал сбивать крем, а бабушка раскатывать коржи для настоящего торта “Наполеон”. Братья вышли в сад. Егорка раскрыл сарайчики, выпустил кур, они сразу направились к утрамбованной площадке. Он пояснил, что их здесь кормят. Олег увидел чёрную курочку и сразу её полюбил. Побежал к бабушке и попросил пшена. Пока птицы клевали зерно, сказал брату, что привёз с собой книгу: “Чёрная курица, или Подземное царство” — сказку, сочинённую Антонием Погорельским ещё в прошлом веке, и уточнил, что настоящая фамилия автора — Перовский Алексей Алексеевич, и жил он под Москвой, в Перове, а ещё пообещал прочитать эту сказку вечером.

Когда его любимица, насытившись, отошла в сторону, Олег очень осторожно и ласково взял её на руки — она не сопротивлялась — погладил и отпустил.

Егор потащил брата за собой:

— Зови маму, я покажу город.

— Пригласи и свою, — посоветовал Олег.

Пошли сразу в центр. Пока женщины что-то обсуждали, Егор, почувствовав себя старожилом, начал хвалиться:

— Ты глянь, площадь брусчаткой выложена!

— А наша Красная площадь больше и на ней Кремль, — не отставал Олег в описании московских красот, — и ещё под землёй метро, поезда ездят.

— А у нас тротуары рисунчатой плиткой покрыты!

— Здоровско! — позавидовал брат. — У нас такой нет, людей много, вытопчут. Что и говорить, сказочный город: паровоз “кукушкой” называют, тротуары блестящие, красивей, чем в сказках братьев Grimm.

— А ты вверх посмотри, видишь, церковь какая — с золотым куполом! — не унимался Егор.

— Я возле Елоховского собора живу, — Олег начал спокойно перечислять его достоинства: мощный, как говорила мама, строгой архитектуры, и в нём не один золотой купол, а целых семь, а колоколов вообще не счесть. А цвет бирюзовый — так и хочется улететь куда-то в нескончаемую высь.

Егор зачарованно слушал, представляя эту громадину, с трудом помещающуюся в воображении.

— Ребята, — окликнула Клава, — о чём размышлялись, идёте за мной, я угощаю мороженым. — Она купила всем по высокому вафельному стаканчику.

На полуденной “кукушке” отправились на курорт. Там Рая показала сыну на здание клуба:

— А вот здесь мы с твоим папой танцевали, так и познакомились. Потом в основном бору гуляли.

Братья почти не слушали, они отплясывали на дорожке, покрытой цветной керамической плиткой. Вдоль неё стояли тележки с мороженым.

— Ух ты! Как много, не меньше, чем в парке Сокольники, — удивлялся Олег.

— Как в сказке! — восхищался Егор.

А когда им купили по вафельному стаканчику и даже пирожное, уезжать вообще не захотелось. И тут увидели озеро. По белоснежной лестнице с закруглёнными перилами спустились к воде, на вкус она оказалась горько-солёной. Олег немного поплавал, Егорка поплескался.

На выходе с курорта подошли к зданию с высокими окнами на первом этаже. Рая рассказала, что это грязелечебница, и в ней поправлял здоровье Николай Островский.

— Знаю, — обрадовался Олег, — читал его “Как закалялась сталь”.

— Нам пора домой, — напонила Клава.

Вечером из самовара пили чай с вишнёвым вареньем и тортом, разрезанным на ромбики. Ближе к полуночи братья закрылись в маленькой комнате, зажгли свечку, погасили лампочку и забрались с ногами на кровать. Олег начал читать сказку, но если по правде, то он лишь делал вид, перелистывая для убедительности страницы, потому что знал её почти всю наизусть.

— Жил на свете мальчик, привезли его родители в детский дом и покинули.

— Ничего себе родители, — возмутился Егор.

— Жизнь такая была, — пояснил Олег, — слушай. Не было у мальчика ни сестры, ни братика, ни друзей, и чувствовал он себя одиноким. Грустил. А во дворе бродили куры, и выделялась среди них одна — чёрная с блестящими перьями, гордая и независимая. Но мальчик подружился с ней, называл Чернушкой, рассказывал о своих горестях. И вот однажды... — Голос Олега стал зловещим...

— А я не боюсь, — прошептал Егорка и прижался к брату.

— И вот однажды... — Олег сжал его руку. — Чернушку заметила кухарка, поймала и потащила на кухню. Мальчик понял, что сейчас с ней сделают что-то нехорошее, он бросился к злой женщине, умолял отпустить любимую курочку, упрашивал, но кухарка была бездушной. Тогда мальчик вынул из потайного карманчика золотую монетку — единственное, что осталось в память о родителях, и отдал поварихе. Та, будучи женщиной жадной и практичной, сперва попробовала её на зуб и лишь потом отдала курочку. Отблагодарила Чернушка своего спасителя волшебными делами.

Егор задумался, что же это за дела такие волшебные.

Олег отстранил брата и говорит:

— Смотри вон туда, в тёмный угол, вот туда повела Чернушка своего друга. А там... — его голос сделался таинственным, — открылся подземный ход. Только она переступила порог, как превратилась в лохотного вельможу, в шляпе с чёрным пером. Впереди посветлело, и увидел мальчик подземный город.

Егорка даже дышать перестал, представил: ночь, улицы яркие цветные фонари освещают, жители в красивых одеждах гуляют, говорят вежливо и ласково, друг другу добра желают.

Олег продолжал:

— Повёл вельможа, он главным министром оказался, мальчика к королю. А король в этом царстве любые просьбы исполнял...

— Ну, дальше, дальше, — теребил Егор брата, — что попросил мальчик?

— С учёбой помочь, а в чём — узнаешь, когда в школу пойдёшь, год ждать осталось. Спать пора.

Укрыл его Олег потеплее и ушёл. Братик ещё некоторое время дулся от обиды, но всё же заснул. И приснилась ему волшебная книга в твёрдой

обложке, с цветными картинками, как только откроешь новую страницу — всё в движение приходит: и люди, и автомобили, и даже самолёты в небе.

В доме на веранде была кладовая. Олег захотел её обследовать, но дверь не открывалась, а замок не висел — загадка. Заглянул в маленькую дырочку, но ничего кроме тьмы не увидел. Обратился за помощью к бабушке, она принесла железный прут с загнутым концом, вставила крючок в отверстие и начала вращать, внутри помещения раздался слабый скрежет.

— Заходи, — разрешила бабушка.

Олег осмотрелся. Вдоль стен — полки со столярными и слесарными инструментами; посередине — сундук, крышка покатая, бока расписные, уголки бронзовые — красивый, наверно, старинный; в углу — железная тумбочка на высоких ножках, сверху — почему-то конфорка. Олег выдвинул в ней нижний ящик.

— Он для сбора золы, — пояснила бабушка, — а, вообще, — это печь “буржуйка”, её в начале века изобрели, для экономии дров... Революция, потом гражданская война, вы, наверно, историю в школе изучали, а мы на своей шкуре. Ну да ладно, ты тут осваивайся, а у меня дел много, сегодня воскресенье, борщ сварю.

Олег сдвинул сундук — в полу наметился люк, увидел кольцо, потянул вверх — открылся погреб. Спустился по приставной лестнице — холодно, под потолком — маленькая отдушина с решёткой, на земляном полу по периметру на вощёной бумаге разложены картошка, морковь, лук.

Олег вылез, погрелся на солнце и вернулся осваивать запорное устройство. Оно представляло собой пластину с рубчиками, крючок, попадая между ними, сдвигал её вбок. За этим занятием его застал Егорка. Брат показал, как открывать дверь. Вместе они вошли в кладовку. Олег поднял крышку сундука, но в нём копаться не стал. Братя заперли за собой дверь, как это было раньше, прут с загнутым концом отнесли на кухню.

Чтобы не быть родителям в тягость, Рая устроилась медсестрой в больницу, в зубоучебный кабинет. Клава ещё раздумывала. В Москве она не работала: сын родился, потом в институт готовилась, английский зубрила, даже с собой взяла англо-русский словарь. Егор любил книги листать, как-то его раскрыл — он приятно пах незнакомыми духами.

В июле гитлеровские полчища приблизились к Киеву, завязались позиционные бои. Бабушка повела внуков в церковь, помолилась и поставила свечку за здоровье Егоркиного отца, чтобы он вернулся живой и не покалёченный.

В августе Олега записали в школу. Учёба ему давалась легко. Девятнадцатого сентября после кровопролитных боёв наши войска были вынуждены оставить Киев. В последних числах месяца враг начал наступление на Донбасс. Олег этого не знал. Однажды он обратил внимание, что взрослые вернулись с работы раньше обычного. Дмитрий Михайлович пригласил всех сесть за стол и сказал, что завтра рано утром ему надо явиться с бабушкой на завод, их отправляют на Урал сопровождать эшелон с оборудованием. Затем попросил Клаву погулять с детьми по городу. Дождавшись их ухода, снял с печи глечик с крышкой, протянул Рае:

— В него мы сложим золотые украшения: мой перстень с хризолитами, твоё и Клавино кольца с бриллиантами, бабушкин браслет, крестики; вещицы из серебра: мужские карманные часы компании Павла Буре в серебряном корпусе с крышкой, рублёвые монеты со звездой, рабочим с молотом и крестьянином с серпом; в клеёнку завернём документы... — На миг задумался и закончил: — Твои серёжки и сестрины прятать не будем, оставите их при себе, но держите незаметно, пригодятся.

Крышку кувшинчика залили сургучом по ободку. Отец и Рая закопали клад под домом. Дочь пообещала доставать его только в случаях смертельной необходимости.

Варвара Ивановна показала Рае на небольшой мешок:

— Нам выдали три килограмма соды. — Невесело улыбнулась. — Хорошо ещё, что мыло, свечи, спички и соль заранее купили, да и в погребе

немного картошки и моркови припасли. — Перекрестила дочь: — Береги внуков и сестру, неприспособленная она.

Клава и дети бродили по центру. Возле двух зданий горели костры. Какие-то люди забегали в подьезды, выносили кипы бумаг и бросали в огонь. Олег не понимал, зачем они это делают, ведь бумага такая ценная.

— Архивы уничтожают, — прошептала мама упавшим голосом.

Егор почувствовал, что на город надвигается что-то ужасное. Клава, видя, что ребята взволнованы, повела их домой.

С восходом солнца дедушка и бабушка, наскоро попросившись, вышли за калитку. Олег долго смотрел, как они удаляются, и вдруг осознал, что он теперь старший мужчина в семье.

Днём позже почтальон принёс письмо от Андрея, что его отправляют на фронт.

Из разных мест города стали доноситься мощные взрывы. Рая догадалась, что это сапёры подрывают корпуса заводов.

В начале октября бои вплотную приблизились к Славянску. Уже слышались артиллерийские выстрелы. Город замер. Рая и Клава закрыли на прогоньчи окна, выходящие на улицу.

Двадцатого октября по пустынным улицам маршем, не задерживаясь, прошла стрелковая дивизия Красной армии. Двадцать шестого ранним утром немцы заняли город. Репродуктор больше не работал.

Рая, чтобы оккупанты не сломали калитку, отодвинула запирающий засов. Пошёл дождь. Возле дома послышался шум двух подъезжающих автомобилей. Рая, Клава, Егорка с Олегом посередине сели на диван лицом к двери. Её тоже оставили открытой. Вошли трое высоких гитлеровцев в мокрых длинных плащах и сапогах, на голове — каски с шишечками и рисунком орла с опущенными крыльями, на груди — бляха с закруглёнными краями и надписью “Feldgendarmarie”. Офицер приказал солдатам осмотреть дом, а сам, протянув руку поверх голов притихших женщин и детей, снял со стены картину, всмотрелся и, брезгливо скривившись, швырнул на пол:

— Farblithographie. RussischSchweine!

— Что им нужно? — шёпотом спросила Клава.

Рая так же тихо ответила, что это военные полицейские — жандармы и они ищут здание для штаба, а офицер на картину разозлился, потому что думал — это подлинник, а оказалась копия — цветная литография, темновато у нас. Русскими свиньями обозвал, а сам некультурный, не знает, что такие картины в музее находятся...

Никого не обнаружив, гитлеровцы направились в соседский двор напротив. Ударами сапог проломили проход в заборе из деревянного штакетника и медленно цепью приблизились к кирпичному дому. Олег пробрался на веранду и сквозь заросли вьющегося винограда стал украдкой наблюдать. Жандармы, непрерывно восклицая: “Гут... файн...” — осмотрели дом снаружи, затем прикладами винтовок стали колотить в дубовые двери. В окне отодвинулась занавеска, и кто-то выглянул. Ударили сильнее — вышел мужчина, его затолкали обратно. Солдаты по одному, а за ними офицер с автоматом наизготовку ввалились внутрь. Вскоре, подталкивая прикладами, они выгнали мужчину и женщину, провели через дедушкин двор в раскрытую калитку — послышался шум отъезжающих автомобилей.

На следующий день у кирпичного дома вновь появились военные полицейские, ими командовал всё тот же офицер. Олег уже не прятался. Немцы аккуратно разобрали штакетник между дворами, досочки сложили в стопку и лишь после этого вкатили четыре огромных мотка колючей проволоки. Сноровисто в два ряда протянули её вдоль ворот и калитки, выходящих на улицу, заборов... затем также в два ряда отгородили дедушкин двор от соседского, да так, что колодец оказался на вражеской территории. В левом углу, если смотреть на крыльцо кирпичного дома, оставили небольшой зазор. Утром привезли толстые доски и уже к вечеру сколотили будку с тремя входами: один — на боковую улицу и два — в дедушкин и штабной дворы; крышу покрыли железными листами, выкрашенными в маскировочный зелёный цвет. Ближе к колодцу врыли лавку, а возле сарая поставили толстый чурбан.

Закончив работу, над крыльцом кирпичного дома прикрепили красный флаг, в центре — белый круг, в нём — чёрный паук.

Вышедшая на веранду Клава с ненавистью пояснила сыну:

— Это их фашистский знак — свастика. — Она обречённо сеутулилась. — Паучье отродье, будут из нас кровушку пить.

— Ну что ты, мам, так мрачно, — толкнул её по-дружески Олег, — не унывай.

На ночь офицер оставил в будке трёх солдат, а сам с оставшимися жандармами ушёл в здание.

— Вот и мы теперь при штабе, — горько пошутила Рая, — за ограду не выйдешь.

Утром Олег взял вёдра, чтобы набрать воды, но охранники в будке к колодцу не пустили. Тогда он стал возле колючки и начал греметь, вышел жандарм и, перемежая немецкие и русские слова, спросил, зачем он шумит.

— Нам вода нужна.

Немец, окинув взглядом двор, скрылся в штабе. Вскоре появился вместе с офицером. Тот что-то прогавкал. Жандарм перевёл, что русскому мальчику разрешили брать воду, но за ограду выходить запретили. Он проводил Олега к колодцу и развернул лицом к себе:

— Hastduverstanden? Ты понял? — Изобразил, что целится из пистолета, — а то — пуф, застрелю.

— Да, — выдавил Олег.

— Говори: “Иа, да”.

Офицер миновал пункт пропуска и направился к сарайчику. Из него с истошным кудахтаньем вылетела чёрная курица. Он погнался за ней, но она не давалась, убежала и увёртывалась.

— Штабс-фельдфебель Юрген! — заорал офицер жандарму, понимавшему по-русски, — тот сразу понял приказ. Олег умолял не причинять Чернушке зла, но фашисты в ответ лишь издевательски гоготали. Фельдфебелю удалось схватить курочку. С победной улыбкой, будто это был военный трофей, он вручил её офицеру. Олег с криком:

— Отдай! Отдай! — бросился на него, но тот сильным ударом ноги отшвырнул. Затем взял курочку за ноги и вернул её ловкому Юргену. Палач вынул тесак и прижал шею жертвы к чурбану... Олег больше не мог это видеть, он вскочил и с диким воем побежал в свой дом, где забился в угол маленькой комнаты. Во двор он не выходил несколько дней — воду приносила Рая.

В первых числах ноября сильно похолодало. Женщины решили прогреть дом, затопили печь остатками угля, Егорка сбегал в курятник, принёс пять яиц, только их сварили и съели, как на кухню вошёл Юрген, стал напротив Клавы, оценивающе её оглядел и похлопал по бокам: — Большая фрау. Gut. Кухарка. — Поманил: — Kommmitmir.

— Иди за мной, — перевела Рая.

Немец догадался, что Клава его языка не понимает, обрадовался и, весело подталкивая дулом пистолета, отвёл в штаб. Офицер, чтобы проверить, можно ли говорить при русской, сказал:

— У большого мальчика арийская внешность, завтра отправим в Германию, воспитаем из него настоящего воина.

Клава никак не отреагировала, что убедило офицера в правильности выбора, даже похвалил:

— Хорошая женщина: и глухая, и немая — надёжная кухонная машина.

Выходить в город ей запретили. Домой отпустили поздно вечером. Она принесла треть буханки белого хлеба, его съели на ужин, запивая остатками чая.

Утром Рая, чтобы не потерять счёт дням, на большом листе бумаге расчертила календарь и на нём красным карандашом выделила воскресенье. Потом вышла во двор, насыпала пшеницу на кормовую площадку для кур и открыла сарайчик. Она так увлеклась, что не заметила, как рядом возник жандарм, заставивший Клаву кухарить. Он поднял указательный палец и, запинаясь, но почти без акцента, с пафосом произнёс:

— Всё принадлежит рейху: и земля, и куры, и славяне, и их дети! Теперь я отвечаю за хозяйство.

— Я понимаю, — едва сдерживаясь, согласилась Рая и на чистом немецком, без всяких деревенских искажений, посоветовала:

— Герр Юрген, говорите на своём языке.

Тот вскинул брови.

— Ты — фольксдойче?

— В рейхе все должны знать язык героев, — невозмутимо пояснила Рая.

Жандарм посмотрел на женщину, как на более значимое существо, и ушёл.

Через неделю после начала жизни за колючей проволокой в дом вломились двое в гражданской одежде. На левом рукаве пальто — белая повязка с длинной надписью на немецком языке, на плече — винтовка, поманили Раю:

— Тебе надо явиться в управу и зарегистрироваться.

В будке поджидал Юрген. Он подтолкнул её:

— Шнель, — для убедительности похлопал в ладоши, словно подгонял домашнюю птицу. — Быстро! Ленивый русский должен работать.

На улице молодой полицай показал на стоявший перед входом легковой железный автомобиль с брезентовым верхом и восхищённо сказал: “Кюбельваген”, — но в него не посадил. Пошли пешком.

На площади безлюдного города ветер гонял обгорелые бумажки. Рядом с церковью — виселица с двумя секциями. На каждой раскачивалось по три трупа, на груди — таблички на русском языке: коммунист... коммунист... коммунист и бандит... бандит... бандит. Молодой полицай остановился полюбоваться, ткнул в них пальцем:

— Москалей и вредителей казнили, они в депо поворотный круг повредили, а на нём паровоз из строя вывели.

Рая вспомнила рассказ отца, что в восемнадцатом году немцы тоже русских вешали, только надписи были другие: саботажник. Зло подумала: “Прилетит Андрей, разбомбит фашистов и вас заодно, отомстит за наши мучения”.

Возле школы слонялись забинтованные немцы в форме.

— Чего выдупилась, — оскалился молодой, — здесь теперь госпиталь.

Рая спросила: откуда раненые. Пожилой полицай нехотя ответил, что издалека. Она догадалась, что Москву не взяли, и одного госпиталя уже не хватает.

Перед входом в управу полицай предупредили, что к городскому голове надо обращаться вежливо: пан Заремба. Её провели в обшарпанный кабинет. Бургомистр потребовал паспорт.

— Пан Заремба, у меня его нет, — вздохнула Рая, — наш поезд бомбили, я из вагона выскочила, сына собой накрыла, сумочку взрывной волной вырвало, не нашла.

— Будем считать, что убедила. А где муж?

— Он тоже под налёт попал, больше его не видела.

— А почему по-немецки шпыхаешь?

— В школе хорошо училась.

— А где до нашей власти работала?

— В больнице, санитаркой в зубокабинете.

Бургомистр посмотрел из-под набухших век и пробормотал с ехидцей:

— Останешься там же, будешь нашим освободителям челюсти вправлять. — Посмотрел испытующе, как реагирует — у Раи ни тени улыбки. — Платить будут рублями. Думаю, тысячу червонцев заработать сможешь.

— Данке шён, — поблагодарила Рая, но, увидев недовольство на лице пана, тут же поправилась: — Щиродякую.

— О це добре, — ощерился бургомистр. — Германцы когда-нибудь да уйдут, а мы, самостийные, останемся.

“Не уйдут, а вышибут, и тебя вместе с ними”, — мысленно уточнила Рая. Заремба, не слыша её слов, продолжил:

— Жди, — многозначительно посмотрел...

Рая перехватила его взгляд:

— Долго?

— Пока не потребуешься, а сейчас иди в коридор, я аусвайс — удостоверение оформлю.

Рая присела на треснутый стул. “Странный диалог у нас получился, двусмысленный... Бургомистр что?.. Кадры подбирает для будущей власти? Надеется переждать?” Из задумчивости вывел Заремба, он протянул бумажку. Слева по-немецки — инструкция для оккупантов, справа по-русски — фамилия, имя, отчество, работа по специальности — медсестра.

— Щиродякую, пан бургомистр. До побачення.

Перед выходом на работу в больницу, переоборудованную в военный госпиталь, Рая, как обычно, насыпала на кормовую площадку для кур пшена и открыла сарайчик — количество кур уменьшилось вдвое. Рядом возник Юрген, подтолкнул к пропускной будке:

— Шнель! Арбайтен!

На площади трупы с виселицы ещё не сняли. При входе в госпиталь Рая предъявила часовому аусвайс. Тот долго изучал удостоверение, русские слова не понял, да ему и не нужно было — достаточно немецких указаний. Наконец пропустил. Солдату, охранявшему изнутри, она показала зубы и щёлкнула по ним ногтем, тот догадался и махнул куда-то вверх. Проходя мимо открытых дверей палат, обратила внимание, что койки стоят тесно, в проходе между ними помещалась только одна узкая тумбочка.

В кабинете находились двое. Высокий представился хирургом, назвался Вадимом и показал на немца:

— Это Йохан, по-нашему не понимает. Он анестезиолог, прежнего, хохла, в тюрьму упрятали, мол, боль не устраняет. Сейчас пациенты тоже орут, но не жалуются, боятся, как бы ещё худшим не заменили. — Вадим попросил документ: — Так, Рая, ты, стало быть, санитарка.

— Да, я уже в этой больнице работала.

— Это хорошо, но всё же перечислю обязанности: для экономии спирта инструменты стерилизовать в кипятке, держать наготове перевязочные материалы, следить, чтобы всегда было мыло, горячая вода и полотенце, часто убирать помещение. Запомни: во время операции к креслу не приближайся, схватит немец от боли — не вырвешься. И последнее: работа с восьми утра до восьми вечера, перерывы днём и выходные по обстоятельству.

Олег проснулся, в доме холодно. Недавно, чтобы сохранять тепло, все перебрались на кухню, спали по двое, валетом — это, когда ноги возле головы напарника, мама с тётёй Раей, он с Егоркой. Вставать не хотелось, но надо. Из взрослых никого не нашёл, получалось, что их оставили одних. Под маминой подушкой нащупал кастрюлю с картошкой, сваренной в мундире, под тётинной — пшённую кашу, разжёл примус и вскипятил воду в чайнике. Спички спрятал подальше от брата, а то ещё возьмёт, начнёт ими баловаться и устроит пожар. Разбудил сорванца, проследил, чтобы тот умылся. Позавтракали. Воды больше не осталось, пришлось идти к колодцу. Заглянул в сарайчик, он пустовал, значит, жандармы съели последнюю курицу. Олег набрал воды и отнёс домой. Когда вернулся и уже приготовился крутить ручку ворота, чтоб поднять ведро, его остановил Юрген. Он подвёл к груде сосновых брёвен и показал дулом пистолета, что надо вытащить самое толстое. Вдвоём они уложили его на козлы, немец также молча протянул конец ручной пилы. Напилили несколько чурбаков. Затем он вынес топор, бросил его на землю и приказал колоть, а сам сел на лавку наблюдать. Олег располовинил, потом расчленил все чурбаки. Юрген сказал: “Гут!” — и разрешил взять три полена. Отнести их домой оказалось делом непростым, ведь одна рука занята ведром с водой. Когда он миновал пропускную будку, в ней раздались шум и крики, во двор штаба втокнули двух солдат. Олег ускорил шаг, но любопытство взяло своё — он положил поленья на землю, поставил ведро и оглянулся — офицер гнал немцев гибким и жёстким хлыстом. Возле лавки что-то приказал, те начали раздеваться: сняли шинели, пояса, припустили штаны. Один лёг на живот. Юрген, словно это уже проделывал не раз, зажал бляху ремня в кулаке и, размахнувшись врезал по голой заднице. Солдат взвыл. Офицер, по-видимому, обладавший, утончённым слухом

и не переносивший воплей, скрылся в здании, там завёл патефон, послышался мощный, сильный женский голос.

Палач порол, солдат орал, офицер восторгался оперой. На русского парнишку никто не обращал внимания, а он, передразнивая, подпевал:

— А-а-а! Ах! — и снова: — А-а-а! — И вслед за Юргеном повторял: — Айн, цвай, драй. — А в перерывах между воплями добавлял: — Бей гада, чтоб воевать не смог.

Юрген устал и позволил себе передышку.

Когда он порол второго солдата, Олегу показалось, что тот не орал, а пел тонким голосом, как оперная певица:

— А-а-у-а-а...

На крыльцо штаба вышел офицер и позволил солдатам одеться, но не полностью, без шинели, показал хлыстом на кучу брёвен и пилу — выпоротые мгновенно поняли, что от них требуется. Со стонами и приглушёнными ругательствами они принялись выполнять приказ.

Наконец Юрген разрешил прекратить, и те повалились на землю, через пару минут палач вынес им по котелку горячей еды. До Олега даже донёсся запах макарон с тушёнкой. Проглотив слюну, он подхватил поленья, ведро и пошёл домой.

Клава готовила еду в противоположной стороне дома и поэтому лишилась возможности узнать, как германцы приучают к дисциплине.

Егорка видел, как жандарм заставил Олега пилить брёвна и колоть дрова, подумал, что брата взяли в плен, и ощутил себя таким одиноким, что даже заплакал, но, вспомнив, что это по-детски, перестал. Он взял на кухне нож и стал ковыряться в грядке, где раньше росла морковь. Нашёл одну, да и ту глубоко в земле. Осторожно, чтобы не срезать верхушку, выкопал, помыл в бочке с дождевой водой и сгрыз. Когда немец приказал брату колоть дрова, Егорка убежал в дом и плотно, чтобы не уходило тепло, закрыл за собой дверь в прихожую. В маленькой комнате из-за шкафа он достал привезённый братом броневик, солдатиков, кубики, напильные дедушкой, и принялся строить на кухонном столе крепость.

Олег нашёл брата на кровати, укрывшегося с головой. Тот не спал, согревался, поэтому, услышав шум, сразу поднялся и повёл к столу.

— Смотри, у меня броневик за крепкой стеной, из пушки не пробьёшь, а пулемёт на фашистов направлен, всех перестреляет. А наших солдат я в окопах спрятал (он поправил одну из щепок), дам команду, они в атаку бросятся, без потерь займут вражеский штаб.

— Молодец, — похвалил Олег, — ты настоящий командир! А теперь давай займём новые рубежи, передвинем укрепления ближе к противнику.

На освободившееся место он поставил две тарелки и солонку. На примусе разогрел картошку, но воду в кастрюльку не долил, и кожура немного припеклась.

— Ничего, — успокоил Егорка, — так даже вкусней.

Чай заварили из наструганной сушёной моркови. Получился горячий — того и гляди обожжётся. Стемнело. Свечу не зажгли, на кровать легли без всякого вала, тесно прижавшись друг к другу.

Клава пришла, когда кухню осветила луна. Дети спали, она их не разбудила, ведь сон придаёт силы. Как только зашумел примус, они проснулись сами.

— Вставайте, у меня для вас радость — котелком горохового супа изверги благодетельствовали, но потерпите, Раю дождётся, вместе поужинаем.

Сестра вернулась с работы усталой, молча, прислонившись к стене, села на табурет. К ней подскочил Олег:

— Мама суп принесла, а я дров. — Зажёг свечу, показал полено.

Рая разглядела вырезанное на коре уравнение: Андрей + Рая = Любовь. Погладила племянника и вздохнула:

— Значит, варвары начали рубить сосновый бор. — Сжала кулаки. — Ничего, и вас изведут... под самый корень.

Сёстры быстро разогрели суп и разлили по маленьким тарелкам — детям порции побольше: им расти надо.

— Керосин заканчивается, — посетовала Клава.

— Я заработаю, — обнадежила Рая.

— А я дрова теперь коло, — добавил Олег, — может, Юрген ещё выделит, а нет, — сарайчик начнём разбирать.

Как только начало светать, Рая ушла в немецкий госпиталь, а Клава с сыном перетащили из кладовки “буржуйку”, трубу вставили в печь. На примусе (дрова решили сэкономить) сварили картошку в мундире, разбудили Егорку, позавтракали.

Юрген снова заставил Олега колоть дрова, за работу выдал котелок макарон и баночку смальца, но дров не выделил, поэтому братья решили разбирать пол сарайчика. Несколько досок расщепили и, незаметно от немцев, чтобы не отняли, прикрывая пальто, унесли в дом, там их поломали на длину буржуйки и начали ждать родителей.

Егорка, как приехали к бабушке, сразу заметил, что взрослые, прежде чем что-нибудь сделать, смотрят на часы. Они были красивые, с разноцветными шишками на цепочках. Олег объяснил, что короткая стрелка отсчитывает часы, а длинная — минуты, чтобы их завести, надо опустить зелёную шишку до низу, а тяжёлую коричневую поднять до верху, она начнёт опускаться, потянет вверх зелёную, шестерёнки внутри механизма закрутятся, стрелки с места сдвинутся и начнут отсчитывать время: маленькая стрелка — часы, а большая — минуты.

— А сейчас сколько времени?

— Час дня, солнце на небе, маленькая стрелка на единице.

— Но она не движется!

— Перемещается, только медленно. Длинная быстрее.

— А мама когда придёт?

— Почти ночью, когда короткая стрелка с цифрой восемь сравняется, — брат показал на неё, — запомни, где она нарисована.

Егорка провёл указательным пальцем по циферблату.

— Как долго! Я с голоду умру.

— А мы шпённой каши сварим, кур-то теперь кормить не надо, нет их, немцы съели.

Клава и Рая пришли домой с пустыми руками. На примусе разогрели то, что принёс Олег. Свечу для экономии не зажгли, ели при свете луны. Каждую макаронину макали в смалец и неторопливо запивали морковным чаем.

На следующий день Юрген позволил Клаве соскрести со дна бака для варки еды остатки фасолевого супа, а из чайника нацедить кружку желудёвого кофе. У пунктуального немца по расписанию был “день кнута”, поэтому Олегу ничего не досталось. Суп с трудом разогрели на примусе, но для кофе керосина не хватило, насос качал впустую.

В “день пряника” жандарм нагрузил русского дровосека аж четырьмя полешками. Их сложили возле буржуйки — вдруг представится случай приготовить что-нибудь из еды.

Рано утром Рая сбегала на базар, на соду выменяла бутылку подсолнечного масла и каравай чёрного хлеба. Вечером зажгли свечу и устроили пир: в блюдца налили масла, в одни — нарезали кубиками хлеб, в другие — картошку, подсаживай по вкусу и наслаждайся.

Рая надеялась, что в госпитале ей представится хотя бы одна свободная минутка, и взяла с собой выкройки варежек, удобные, с большим пальцем. К шести часам вечера очередь в зубоврачебный кабинет иссякла, к половине седьмого отработали последнего раненого. Вадим лёг в кресло. Рая начала шить, длинная игла с трудом протыкала двойной слой байки. Йохан смотрел внимательно, наконец сказал:

— Русская зима — это смерть.

Рая не согласилась:

— Нам привычно, вот сошью варежки племяннику, и будет ему не так холодно дрова колоть для военной полиции, наш двор рядом с их штабом.

При этих словах Йохан вздрогнул, у него обозначились явные признаки панической атаки: пальцы задрожали — тремор, — вспомнила Рая лекции

по психологии, прослушанные факультативно, похвалила себя за любопытство, казавшееся Андрею праздным, и продолжила наблюдение за испугавшимся немцем. Сейчас он вспотеет. Так и случилось. Его порол Юрген, — догадалась Рая.

Через несколько дней она заметила, что количество спирта в большом пузатом флаконе с притёртой пробкой убывает подозрительно быстро. Начала рассуждать: “Вадим? — навряд ли, рисковать не станет, тогда анестезиолог: нервишки у него пошаливают. — После каждой убыли стала принохиваться. — Так и есть! Потребляет немец”. Убедившись в своём предположении, решила на отчаянный шаг. Для этого выбрала момент, когда вышел хирург, и за ним, будто спросить что-то хочет. Подождала за дверью и тихо переступила порог. Йохан как раз в это время опрокидывал мерный стаканчик со спиртом в пухлый широко раскрытый рот. Рая шаркнула ногой, вор от неожиданности поперхнулся (огненная жидкость не в то горло пошла), глаза выпучил, ни выдохнуть, ни вдохнуть не может. Она деликатно пошлёпала по спине и посоветовала, как учила мама, поднять вверх руки. Немец подчинился. Раю эта поза рассмешила, она возьми да и спроси, отчего он такой чувствительный: чуть что паникует. Разрешила опустить руки, сесть. Йохан промокнул платком нос:

— У меня брат под Москвой погиб, раненым замёрз, не успели его вытащить. Хороший был, интеллигент и философ. Детей любил.

С тех пор немец медсестру не стеснялся, разбавит спирт водой, сядет поудобнее, расслабится и жалуется:

— У нас зимой в доме было тепло, углём топили, прислуга внимательная.

Но вскоре поведение анестезиолога резко изменилось: он больше к флакону со спиртом не притрагивался, выглядел бодрячком и нередко беспричинно весёлым. И ещё заметила Рая, что на следующий день на него напал безудержный жор: достанет круг колбасы и, не стесняясь, начинает грызть. А у неё слюнки текут. И вот как-то совершенно случайно, когда она вытирала пыль возле сейфа, ей попался на глаза маленький прозрачный кристаллик. Рая спросила у Вадима: что это может быть?

— Перветин, — ответил тот, — иногда раненым дают, чтобы поднять боевой дух.

Рая показала находку Йохану, он засмеялся и положил её себе в рот. Через некоторое время его словно подменили: стал смеяться, кружиться, потом подхватил Раю:

— Русская красавица! Станцую!

“Слава Богу, что Вадима нет”, — промелькнула мысль. Рая отстранилась:

— Перветином балуешься! А если я донос напишу?

— Не успеешь! Тебя в гестапо отправят.

— А тебя за кражу в окопы, напрямую, без всякой военной полиции. Ты думаешь, я под пытками молчать буду?

Йохан на миг утомился, протрезвел, задумался.

— Ладно, не напишу, — продолжила наступление Рая, — но ты мне услугу окажи, выпиши аусвайс для моей сестры, она — кухарка в штабе у этих выскочек.

От этих слов немец впал в истерику, сменившуюся упадком сил, им овладела депрессия.

— Йохан, — встряхнула его Рая, — на территории рейха всё должно быть учтено: и скот, и люди, а русские — иметь аусвайс! Так требует немецкий порядок. Наведайся к бургомистру, он доволен будет, что услужил Великой Германии.

Два дня анестезиолог крепился, на третий — не вытерпел: незаметно, но не от Раи, принял наркотик и сразу, не обращая внимания на удивлённый взгляд хирурга, куда-то смотался. Ещё через несколько дней Рая набралась смелости и попросила у Йохана денег, в долг, рублями, мол, надо керосина купить, готовить не на чем. Тот молча протянул несколько купюр с лётчиком и три сторублёвых — с Лениным.

На базаре народ ходит, покупает мало. В скобяной лавке за керосином — три человека. Рая набрала бидончик.

Двадцать шестого февраля хирург разрешил Рае уйти из госпиталя ещё засветло, она удивилась, но всё поняла, когда заприметила его среди санитаров, укладывающих раненых в подъезжающие грузовики.

Йохан уже стоял на подножке санитарного автобуса, но, увидев Раю, спрыгнул и протянул две бумажки:

— Здесь аусвайс для твоей сестры, русские рядом с городом. Беги домой, прячься!

Рая прочла вторую бумажку, в ней Йохан признавался, что русская фрау разбила его сердце.

На улицах — никого, кроме суетящихся немцев.

Откуда-то со стороны вокзала донёсся изнуряющий, изматывающий вой самолётов, сменившийся разрывами. Рая ускорила шаг.

На площадке возле будки пропуска на “Кюбельвагена”, ни штабного автобуса, во дворе — ни одного жандарма. “Удрали”, — со злорадством подумала Рая. Но как только переступила порог в свой двор, её нагнали двое полицейских. Молодой щёлкнул затвором винтовки:

— Выводи сестру и ублюдков, приказ военного командования: жителей выгнать из города.

Пожилой зашёл в дом, вытолкнул Клаву и детей, она несла ворох одеял, Олег — две бутылки воды. Молодой потребовал предъявить аусвайс. Рая показала оба и предупредила:

— Нам надо тачку взять, ставни закрыть на прогонычи, двери запереть.

Полиция вчитались в документы, посмотрели с одобрением, молодой поторопился:

— Швыдче, швыдче! Быстрей, быстрей! Комиссары придут, расстреляют, разбираться не станут.

Егорку посадили в тачку. Семью погнали на запад. По пути число конвоиров увеличилось, возросло и количество женщин и детей. Прежде чем войти в дом, пожилой заглядывал в список. Рая подумала, что выгоняют тех, у кого есть аусвайс.

Рёв вражеских самолётов приблизился, уже бомбили центр города. Движение колонны замедлилось. Егор видел, что его везти трудно, воспользовавшись моментом, соскочил на землю и твёрдо сказал, что пойдёт сам.

Достигли хорошей дороги, на ней мёрзли немецкие солдаты. Дождавшись колонны, они распределились по обе её стороны. Надвигалась ночь. Женщины стали роптать, некоторые дети заплакали. Где-то сзади послышался отрывистый сигнал клаксона. Конвой обогнал “Кюбельваген”, из-под отогнутого брезентового верха показалось искажённое ненавистью лицо офицера из штаба военной полиции. Он ударил хлыстом впереди идущего солдата и рявкнул:

— Хальт! Цюрюк! — Стой! Назад!

Немцы поняли, что это касается только их, и мигом построились в колонну по двое. Жандарм их пересчитал, выбрал старшего по званию и ткнул в направлении города. Автомобиль развернулся и укатил. Украинские полицейские сбились в кучу, после долгой ругани побрели в лес. Жители Славянска остались без конвоиров.

Рая вспомнила, что где-то рядом должна быть деревня, в которой жил знакомый пасечник. В полной темноте с трудом нашли нужный дом. Постучали в ворота. За забором тишина.

— Давайте, я залезу, — предложил Олег.

— Нельзя, собаки покусают, — запретила мама.

— Их давно фашисты перестреляли, чтобы по ночам не лаяли, сама видела, — уточнила сестра.

— Тогда камешек кинем, — сообразил Егорка.

Олег посмотрел в одну щель забора, в другую, примерился, отступил на два шага и бросил — попал в окошко. Кто-то, крадучись, подошёл к калитке, спросил сипло:

— Чего надо?

— Дядя Михась, откройте, это я, Рая, дочь Дмитрия Михайловича и Варвары Ивановны, помните, мы у вас на пасеке гостевали, меня ещё пчела укусила, а ваша жена соком одуванчика вылечила. Немцы из города выгнали, пустите пожить.

Мужчина зажёл керосиновую лампу, приоткрыл дверцу, попросил показаться. Рая повиновалась.

— Ладно, заходи, — разрешил хозяин и тут же чуть заново их не захлопнул, закричал в возмущении: — Да с тобой целый табор! Не пушу!

— Мы заплатим, — взмолилась Клава.

— И чем же? Небось, рублями, тогда только на ночь.

— Золотыми серёжками.

Михась подобрел. Она покопалась в потайном кармашке платья, но вынула только одну.

— А вторую?

— Её получишь, когда уходить будем, — отрезала Рая.

Михась такое отношение к себе не стерпел, днём вызвал полицаяв.

— Напрасно ты это затеял, смотри, как бы вторую серёжку не упустил, — прощаясь, предупредила Рая.

Стражи порядка вытолкали из ворота только сестёр.

— Мне их отпрыски не нужны, — испугался хозяин.

— Захлопнись, — посоветовали они, но детей всё же присоединили к матерям.

Всех привели к военному коменданту. За столом сидели двое: мужик в пиджаке и брюках, заправленных в сапоги, и обрюзгший немец в форме младшего офицера. “Служака, он в тылу, не на фронте, с ним надо твёрдо”, — решила Рая и обратилась к нему с берлинским произношением и интонацией аристократки, не терпящей возражений:

— Герр офицер, моя сестра служит в штабе военной полиции, — подтолкнула вперёд Клаву: — Предъяви аусвайс!

Комендант, ознакомившись с немецкой частью удостоверения, передал его гражданскому, тот прочитал и, подтверждая, что так и есть, сказал: “Гут”. Немец повторил за ним: “Гут”.

— А это мой. — Рая протянула коменданту своё удостоверение и отчеканила по-немецки: — Я — медсестра в госпитале, солдат вермахта в строй возвращаю.

Мужик прочитал русский текст и кивнул:

— Всё верно.

Комендант такого напора не ожидал, но на всякий случай спросил, почему они здесь оказались.

— Нас доблестные воины рейха от гибели спасали, — пояснила Рая.

Комендант почесал не затылок, а второй подбородок и дал знак старшему полицаяу:

— Bring nach Hause.

— Отведи домой, — перевёл приказ мужик в пиджаке.

Делать нечего, пришлось выделить комнату для жилья:

— Спать будете на полу, дам два матраса.

Михась рассказал, что его жена уже давно перебралась к председателю, где они теперь — не знает, да и не любопытничал, а сыновей мобилизовали, писем от них не получал. Подвёл к сараю — добротный, стены крепкие.

— В левой части у меня летняя кухня, за её стеной самое тёплое место — омшаник, его открываю редко, только чтобы пчёл подкормить. — Распахнул правую часть — в ней заблеяли козы. — Пояснил: — Председатель перед отступлением красных скот раздал, чтобы врагу не достался, их у меня пять, теперь вам за ними ухаживать, и ещё: старшему пацану с утраца печь в доме затапливать, а вам, фрау, чистоту в доме поддерживать и еду готовить.

— Куда ни плыви — везде омут, — вздохнула Клава.

Красная армия наступала. Рая ежеминутно прислушивалась к звукам боя, выходила во двор, к ней часто присоединялся Олег, вдвоём они вглядывались

в далёкое небо — откуда-то из-под Краматорска появлялись фашистские самолёты, сбросят смертоносный груз, развернутся и через два-три часа возвращаются. Однако наши, судя по разрывам бомб, всё же заняли вокзал, потом центр города.

Сегодня немцы бомбили западные окраины. Безнаказанно, километрах в десяти—пятнадцати от деревни. Неожиданно в их карусель врезались два наших истребителя.

— “Ястребки!” — закричал Олег. — Задайте “фоккерам” жару!

Лётчики словно уловили его призыв — светящиеся трассы раскроили фашистского стервятника напополам, его обломки горящими факелами плавно опустились на землю. Второй, получив мощный удар в хвост, закружился волчком и уткнулся рядом. Бомбардировщики заметались, не выстроили защиту, рассыпались и удрали. “Ястребки” устремились вверх, спикировали и подбили ещё одного, но вскоре так же парой ушли на восток.

— Боекомплект израсходовали, — предположил Олег и отвернулся — его взгляд упёрся в Михася.

Тот отнёсся к победе красных лётчиков безразлично, его больше заинтересовал пацан, спросил удивлённо:

— Почему в самолётах разбираешься?

Олег с неприязнью ответил:

— Мне фотографии папкин друг подарил, он нас после его гибели навещал, морально поддерживал. Я запомнил. — Хотел сказать, что они в Москве раньше жили, но назвать родной город остерётся, не доверял он доносчику.

— Мало у нас самолётов... тяжело Андрею... — тихо и с горечью сказала Рая.

Клава обняла сестру:

— Он у тебя смелый и умный — выдюжит.

Олег каждый день убирал в сарае помёт, доставал с чердака сено. Егорка кормил коз, очень ему нравилось это занятие. Михась показал, как их доить. Как-то Клава попросила его поделиться молоком. Он недовольно пробурчал:

— Я на базар ношу, на подсолнечное масло меняю: у меня пресса для его отжима нет... или на кукурузную крупу — крупорушки тоже нет.

— И namного удаётся поменять?

— По-разному, иногда с двумя бутылками молока ухожу и с ними же возвращаюсь.

— И куда ты его деваешь?

— Сам выпиваю, не отдавать же даром.

— Куркуль ты, одно слово, да и глуповат — поставила диагноз Рая, — до сих пор не поймёшь, что деревня — не город, какой тут прибыльток.

— Выгоню, — прорычал Михась.

— Не посмеешь, — она засмеялась и показала кукиш, — вторую серёжку не получишь. Пожадничаеть! — Но вдруг смиростивилась: — А давай я попробую.

Михась от такой смены настроения озадачился, пожал плечами:

— Как теперь говорят: попытка — не пытка, но помни, вернёшься с пустыми руками, выгоню.

— Эту песню мы уже слышали, — отмахнулась Рая. — А сейчас налей деткам по стакану молока.

За время оккупации Рая разучилась терзаться сомнениями, теперь она действовала. В полдень направилась в комендатуру. Помог аусвайс и знание немецкого языка, а то бы не пустили. После эффектного приветствия, прямо с порога, начала восхвалять вермахт, однако, приближаясь к столу офицера, постепенно сменила восторги озабоченностью физическим состоянием армии.

— Герр комендант, зима жутко морозная, от холода организм слабеет, — состроила глазки, — его необходимо укреплять натуральными продуктами, а не эрзац-витаминами, — выдержала многозначительную паузу: — У меня есть возможность предложить вам козьё молоко.

Комендант склонил голову набок и одновременно приподнял навстречу плечо, что, как почерпнула Рая из лекций по психологии, свидетельствовало о необычайном сомнении.

Рая наполнила стакан и выпила, чтоб не думал об отраве:

— Вот так вы будете потреть этот полезный продукт каждое утро.

Офицер сполоснул стакан, она налила ещё, он пригубил и, сохранив большую часть на середину дня, соизволил дать разрешение.

— Герр офицер, а солдаты вашего доблестного гарнизона? Им тоже требуется молоко, разрешите подходить к их казарме, — не отступала от намеченного плана Рая.

Он согласился и на это.

В первый день Рая выменяла у коменданта литр молока на буханку свежего хлеба, а у солдат за то же количество — лишь консервированный хлеб в железной банке. На следующий день у них же за два литра молока — полкило гречки, а у коменданта за три литра — банку тушёнки. Михась расщедрился — налил детям по два полных стакана молока.

Через некоторое время солдаты начали обменивать молоко на мыло, комендант предпочёл расплачиваться сигаретами. Рая поднесла всё это Михасю как подарок:

— Небось, коростой покрылся, топи баньку, попарись, потом настоящим табачком затянешься, а не травой. Да и нам помыться не мешало бы.

Видя, что жилички ведут себя хорошо и приносят выгоду, Михась позволил Олегу и Егорке лузгать семечки: у него в сенах их целый мешок стоял. Однако каждый день проверял, много ли они сгрызли и не пора ли запретить это баловство. Однажды он всё же не стерпел, набрал в бидончик семечек и ушёл, вернулся затемно с подсолнечным маслом. Вынул из кармана кружок твёрдой смеси из остатков зёрнышек и скорлупок, пояснил, что это макуха — жмых по-городскому, — и протянул Олегу, мол, угощайся. Тот отковырнул кусочек, но есть отказался.

— Нет, у меня не получится, только горло поцарапаю.

Подсолнечным маслом Михась не поделился.

Мылом и сигаретами сыт не будешь, пришлось Рае менять их у сельчан на перловку.

Каждый день Рая и Клава, услышав шум автомобилей, выходили из дома, останавливались возле дороги, наблюдали, как из Славянска на грузовиках с красными крестами в сопровождении легковушек вывозили раненых. Клава каждый раз говорила:

— Отличная фирма “Опель”, но всё равно всех не успеет до госпиталя донести, сдохнут нелюди, закопают их по пути, чтоб не воняли.

— Хорошо бы побольше, — добавляла Рая.

Возле пруда, на пригорке, красовалась небольшая церквушка. Настоятелем в ней был отец Афанасий. Рая с трудом открыла тяжёлую дверь и натолкнулась на священника в чёрной рясе. Тот отступил.

— Помолиться пришла?

— Не умею, — не стала лицемерить Рая, — я к вам, батюшка, за помощью.

Тот удивился, сказал привычное:

— На всё воля Божья.

— Вы ему служите, а у меня богоугодное дело, не откажите.

Священник опять уклонился от прямого ответа:

— Народ поговаривает, ты к коменданту зачастила, к нему, безбожнику, обращайся.

— Пойду, если вы благословите моё решение. — От такого нахальства батюшка оторопел. А она продолжала: — Вот скажите, почему в деревне нет школы?

Афанасий наклонил голову, словно от стыда прятался, и ответил с затаённой болью:

— Была, но в неё германцы вселились.

Рая по-хозяйски оглядела притвор:

— Просторно, десять табуретов поместится, дверь плотно пригнана, не продует.

— О чём ты?

— Хочу у вас детей обучать.

Священник недоумевал: “Перед немцами хвостом крутит, а просьба человеческая”. Он более внимательно посмотрел на молодую женщину — её лицо внушало доверие.

— Ладно. — Афанасий перекрестился. — Приступай к занятиям. Бог тебе в помощь. Но и сама будь осторожна: помни, по немецкому закону всем славянам достаточно четырёхклассного образования, поэтому с бабами детские успехи не обсуждай.

— А с мужиками?

— Среди них порядочных почти не осталось: полицаи — бесовское отродье, куркули — ради выгоды на любого старосте донесут, особенно обходи стороной угодливых, трусливые они.

— Так что, порядочных вовсе не осталось?

— Есть немного, но и они затаились.

Священник пригласил внутрь храма и скрылся за алтарём... Вынес стопку учебников, тетрадей и сложенную вчетверо физическую карту мира с обозначенными границами государств. Улыбнулся сквозь бороду:

— Видишь, успел, а то бы в печке сожгли вместо растопки. И это ещё не всё! — Он похлопал по оттопыренным внутренним карманам рясы. — Здесь карандаши! Без них не обучение, а мучение.

В строго назначенное время Рая принесла коменданту бутылку молока, подождала, пока выпьет ритуальный стакан, заест мармеладкой, и лишь потом приступила к его обработке.

— Герр комендант, — начала она озабоченно, — рейху необходимы понятливые работники, а чтобы славяне приносили пользу, они должны уметь считать, немного читать, писать и подпись поставить. С этим справится моя сестра, а я... — От охватившего вдохновения её глаза устремились вверх. — Расскажу о величии Германии, научу детей понимать немецкие команды, необходимо для чёткой работы, например, встать! — Она так рявкнула низким голосом, что офицер едва не оторвал задницу от кресла. — Продолжила спокойно перечислять: — Иди ко мне. Работай. Копай. Неси туда. Быстрее. — И опять требовательно: — Стой! Назад!

Комендант, словно вошёл в ступор, озадачился, наконец вынул из ящика необходимую инструкцию, прочитал... и выдал письменное разрешение.

В течение недели Рая говорила встречавшимся женщинам, что она возобновляет школьные занятия в церкви, назначала день и время ознакомительного собрания с детьми и каждый раз предупреждала, чтобы взрослые не приходили, потому что места в притворе для всех не хватит. Желающих оказалось так много, что пришлось стоять. Некоторые принесли тетради и даже карандаши. Учеников разбили по возрасту на две группы и попросили следующий раз прийти с табуретами.

Женщины толпились у входа, Рая к ним вышла и сказала, что дети хорошие и призывать к дисциплине не потребовалось.

Занятия проходили в две смены: Клава вела младшеньких, Рая — более старших. После молитвы и напутствия батюшки все чинно рассаживались вплотную друг к другу, оставив посередине проход для учителя, на колени клали фанерки, на них — тетради. На дом работу не задавали: и память тренировали, и бумагу экономили.

Однажды после молитвы в притвор попытался вломиться полицай. Батюшка пристыдил:

— В храме быть с оружием — это не по-божески, оставь винтовку у входа.

Полицай не сдвинулся. Тогда Рая приблизилась к нему вплотную и пролаяла:

— Цюрюк! — потом по-русски: — Назад! — Внятно пояснила: — Проводить занятия требует комендант, — и с нажимом закончила: — Так нужно рейху! Понял?!

Полицай хорошо знал, чем грозит неповиновение, и убрался.

Изучив характеры ребят, Рая решила приступить к тому главному делу, ради которого организовала школу. Она прикрепилась к двери притвора

карту и попросила назвать и показать материк. Вызвался лобастый паренёк, он взял прислонённый к стене прутик и уверенно обвёл Евразию, Африку, Северную и Южную Америку, на миг замялся (за ним напряжённо следили десять пар глаз), Австралию и Антарктиду.

— Молодец, — похвалила Рая, — а вспомни, кто открыл материк возле Южного полюса?

— Русские.

— Вдвойне молодец! — Она испытующе посмотрела на ученика и рискнула: — А теперь столицы Германии и Советского Союза.

“Ну всё, — подумала Рая, — выкопала себе могилу, расскажут родителям, что я назвала нашу страну Советским Союзом, а не какой-нибудь восточной германской землёй, хотя уже поздно, вылетели слова-воробышки, на улице не трескучий мороз, не замёрзнут на лету, достигнут нехороших ушей. А, ладно! Будь что будет!”

Ребята увидели, что учительницу что-то взволновало, но значения этому не придали: урок-то обычный. Паренёк небрежно ткнул в Берлин, аккуратно обвёл Москву и вернул прутик на место.

— Крепкие у тебя знания, — поблагодарила Рая, — садись.

“Рискну ещё, Бог не выдаст, свинья не съест”. Она очертила границы довоенной Германии:

— Обратите внимание: раньше эта страна занимала небольшую площадь, теперь рейх простирается от Атлантики и почти до Волги. Почему так? Потому что Австрия присоединилась добровольно, Норвегия позволила ввести германские войска на свою территорию, армии Бельгии, Нидерландов, Польши, Чехословакии и Франции были разбиты в считанные дни, конечно, этому способствовали союзники: Италия, Финляндия, Румыния, в какой-то мере — Испания и даже Болгария и Хорватия... Турция и Япония пока выжидают. — Свои объяснения Рая подкрепляла показом на карте. — Только мы боремся. У нас большая страна...

— А Украину не защитили, — с укором сказал мальчик из последнего ряда.

— Было уже такое при гетмане, в восемнадцатом, как пришли, так и ушли, вспомни историю.

— А Москву отстояли? — спросила с надеждой девочка из того же ряда.

— Конечно. Хотя случилось и хуже: столицу жгли татаро-монголы, хозяйничали поляки и французы, но она тогда возродилась.

Вопросы и ответы ребят придали Рае уверенность. Следующее занятие она начала бодрым голосом:

— Тема сегодняшнего занятия — горы. Кто готов показать, где находятся самые высокие?

Первым опять вызвался лобастый паренёк:

— Вот здесь Гималаи, они в Индии, а в Австрии — Альпы, удобные для обороны.

— А теперь пустыни.

Он и их показал.

— Достаточно. А кто из вас перечислит полноводные реки Европы?

— Я, — подняла руку девочка в берете. — Рейн — в Германии, Дунай — в Венгрии и Румынии, а в европейской части нашей страны — Волга, — перечислила она и вдруг спросила: — А немцы её захватили?

— Наверно, нет, если бы им это удалось, они бы обязательно раструбили по всем городам и сёлам.

Девочка улыбнулась незаметно, только краешком губ.

Когда Михась в очередной раз ушёл из дома, Рая устроила педсовет. Впервые, спросила у Олега, как ему приглянулись ученики. Он серьёзно ответил, что понимает всю опасность затеи, и обнадёжил:

— По моим наблюдениям, им доверять можно.

Клава успокоила, что родители младших детей темой занятий в старшей группе не интересовались.

Ребята о содержании уроков географии не проговорились, никто не предал и не донёс. Полиции арестовывать не приходили. На маленьком фронте внутри оккупированной территории между Раей и немцами установилась

позиционная война. В программу занятий она включила основы физики, алгебры и биологии.

Однажды, в перерыве, после небольшой разминки, шустрый парнишка спросил её с некоторой ехидцей:

— Раиса Дмитриевна, вы нас немецким словам учите, а дойчи, — он показал в сторону казармы комендантского взвода, — и трёх запомнить не могут, для них всё одинаково: церковь — сапор, ограда — сапор, живот болит — тоже сапор!

— От кого ты услышал такую шутку? — засмеялась Рая.

— От папани, он раньше трактористом был, да руку поранил, поэтому в армию не взяли. Я тоже хочу трактором управлять!

— Не получится, немцы не позволят, нам только чёрная работа уготована: землю копать, камни таскать, брёвна пилить.

— А я потом научусь, — сказал он и отбежал, чтобы больше не задавали вопросов.

Рая учила ребят всему, что знала.

Бомбардировки города прекратились. Изредка ветер доносил глухие оружейные выстрелы и разрывы снарядов. Двадцатого мая комендант с довольной рожей сообщил Рае, что наступление большевиков отбито. Староста зачитал на сходе какую-то бумагу, из которой следовало, что немцы снова заняли Славянск. Михась ворвался в дом, словно одичавший изголодавшийся пёс:

— Два с половиной месяца на моей шее сидите! Убирайтесь! Я вдвоицу приглядел, к ней ухожу, она хозяйственная: пресс для отжима масла и крупорушку имеет, мой двор кукурузой и подсолнухом засею, ещё кусок земли прирежу — заживём.

— А немцы отнимут?

— Они обещали единоличников не трогать.

— Ну, это до поры, прижмут наши, захотят дойчи жрать — всё отберут!

— Убирайтесь! А то полицаяв натравлю, они у невесты в сродственниках. Отдавайте вторую серёжку! Ей подарю.

— Ты что, жениться собрался?

— Война женитбе не помеха! В церкви обвенчаемся.

Пришлось возвращаться в Славянск. Рано утром Клава расплатилась второй серёжкой, и семья побрела в город.

На улице Тараса Шевченко, перед площадью от четырёх- и пятиэтажных зданий сохранились только стены, зиявшие страшными пустыми глазницами окон. Егорка вглядывался в них и дрожал. Церковь фашисты не тронули.

Недалеко от дома остановил патруль. Офицер, прочитав аусвайс, разрешил идти дальше, но предупредил, что срок его действия истекает и необходима замена. Решили идти к бургомистру. Он восседал на прежнем месте. “Живучий, — подумала Рая, — ну ничего, всё равно долго не протянешь”. Пришлось объяснять, что их семью дойчи из города на запад погнали, да бросили, военные полицаи заставили конвоирующих солдат вернуться. Пан Заремба эту историю знал и удостоверения переоформил. Семья вернулась в свой дом. Будка пропуска немного покосилась, рядом воронка от разрыва снаряда, на кирпичном здании штаба редкие следы от разрывных пуль, флаг отсутствовал, окна без стёкол (наверно, их выбило взрывной волной), мелькнула надежда, что жандармы больше не вернуться. На дворе валялись целые чурбаки и колотые поленья. Олег сразу принялся их собирать, относить на дедушкин двор и прятать в кладовку. Егорка помогал, как мог, — носил по одному, а то и по два полена. Клава метнулась в распахнутую дверь, крикнула на ходу:

— Рая! Я пошарю, предупреди, если появятся немцы.

Вскоре вернулась — подол платья оттягивала добыча. Открыли замок, вошли в дом — пахнуло сыростью.

— Ничего, это не смертельно, — успокаивала Рая, — сейчас ставни, окна, двери — всё распахнём, солнышко вмиг прогреет.

Клава выложила на кухонный стол рис в пакете, чеснок, по одной банке ветчины, консервированного хлеба и желудёвого кофе, отдельно — мармелад.

— Больше ничего не нашла, — сказала она виновато.

— Мама, а разве этого мало, — успокоил добрый сын.

Пока делили и раскладывали еду, Егорка обследовал дедушкин двор: слезил в воронку, покачался на доске завалившегося в неё сарайчика — больше ничего интересного.

Поели не всё, половину оставили на завтра.

— Давайте убежим, пока немцы не вернулись, — неожиданно предложил Олег. — Мы как рабы: за ограду не выйдешь, дни по солнцу считаем, часы остановились... — Он сказал это с такой болью, что Клава заплакала.

— Куда?! Кругом немцы, — еле сдержалась Рая, чтобы не разрыдаться вслед за сестрой, — здесь у нас дом, огород...

Егор увидел, с каким трудом ей это далось, и веско произнёс:

— Плакать нельзя.

— А есть что будем? — всхлипывала Клава.

Рая пересилила временную слабость и улыбнулась:

— Будет день — будет пища! Грядки вскопаем, посадим морковь, свёклу. Я как-то видела, что в ящике шкафа их семена по пакетикам разложены. Конечно, картошку, наверняка, что-то в погребе сохранилось, а главное, лук-севок, я его у Михася купила, рубли перед боями успела получить. И ещё! У нас есть мешочек кукурузы и подсолнечных семечек — подарок учеников. А сейчас... готовим баню!

Олег ещё раз сбегал за дровами. Затопили настоящую печь, принесли из колодца шесть вёдер воды, нагрели три. Женщины мылись в доме, ребята — во дворе: конец мая, солнышко припекает.

Как хорошо всё делать вовремя или ещё раньше!

Перед сном Егорка потрогал зелёную шишку на настенных часах:

— Давай её вниз потянем — они время покажут.

— Бесплезно, мы не знаем, который сейчас час — по-научному точку отсчёта. Ложись спать.

На следующий день вернулись жандармы, все целёхонькие. “В боях не участвовали, наверно, в тылах дезертиров ловили, тоже мне вояки”, — с презрением подумала Рая. Они прикрепили флаг, вставили стёкла, выправили будку пропуска. Юрген пришёл за Клавой. Она безропотно повиновалась.

Рая направилась в госпиталь. Здание сохранилось. В зубном кабинете Йохан наигрывал на губной гармошке какую-то грустную мелодию, увидев её, мгновенно преобразился:

— Фрау Рая! Фрау Рая жива! — Бросился ей навстречу.

Она вежливо отстранилась:

— Потом, мне надо выполнять свои обязанности.

Йохан сник. Вадим никаких эмоций не выказал.

Рая приступила к реализации намеченного плана. Сперва она подловила в будке пропуска Юргена, заговорила уверенно, отрывисто, без пауз:

— Камрад, я работаю в госпитале медсестрой. Мне опаздывать нельзя. Я была вынуждена покинуть город. Когда вернулась, настенные часы стояли. Сколько сейчас времени?

Жандарм молча обнажил запястье и с гордостью продемонстрировал швейцарские часы:

— От француза достались.

Рая состроила улыбку восхищения, поблагодарила и не спеша вернулась в дом. Позвала братьев и начала медленно передвигать стрелки. Егорка напомнил:

— Мама, не забудь коричневую шишку поднять, а зелёную опустить.

— Давай вместе попробуем, становись на табурет, тяни, только осторожно.

— Я всё делаю, как надо, — заверил сын, прислушиваясь к щелчкам шестерёнок.

— Ну что, теперь займёмся огородом, — воодушевилась Клава, — встать пораньше, ходики время показывают, в “штаб” — ха-ха! — и в госпиталь не опоздаем. — Она достала из буфета несколько фасолин. — С прошлого года берегла, сварила фашистам суп пожиже.

— И где же мы её посадим? — озадачился Олег.

Рая выбежала на веранду, крутанулась.

— Да что тут думать, вместо винограда: и тень, и нас закроет.

— А картошку вдоль ограды, отделяющей нас от северных соседей, — предложил Олег.

За кустами сирени и миндаля (подальше от глаз жандармов) вскопали грядки и посадили лук, морковь и свёклу; для кукурузы и подсолнечника выделили делянку за маслиной, солнце здесь чуть больше половины дня, но, может, хватит.

— Отнимут у нас урожай, — переживал Егорка.

— Да уж, придётся извергов опережать, — успокоила Рая с некоторым оптимизмом.

На всё про всё потребовалось два ранних утра.

Жизнь за оградой вошла в колею немецкого порядка: Клава кухарничала на жандармов, Рая следила за чистотой в госпитале, Олег с восходом солнца запасал воду, наливая её в две бочки и корыто, потом колот Юргену дрова. Как-то он застал Егорку наблюдающим за часами, тот пояснил:

— Жду, когда маленькая стрелка укажет на цифру пять, тогда ты придёшь, еду принесёшь.

— Ну, брат, ты просто ведун, угадал, смотри, сегодня у нас полкотелка каши.

Еду разогрели на примусе, съели только свою часть.

— Егорка, — сказал Олег таинственным голосом, словно приглашая послушать сказку, — идём покажу, что я придумал.

Он очертил на дорожке круг, в центре воткнул узкую дощечку, заострённую вверху в виде пики.

— Это солнечные часы, на наших настенных маленькая стрелка указывает на цифру шесть (я только что смотрел и запомнил), её мы напишем рядом с концом тени от дощечки. Это значит, что солнечные часы показывают шесть часов вечера, — объяснил Олег и задал каверзный вопрос: — А как ты отметишь на круге семь часов?

— Я посмотрю на настенные, — с достоинством ответил брат.

— Молодец, Егорка, соображаешь, но ещё надо уметь писать цифры.

— Я умею, твоя мама научила, когда у Михася жили, тетрадный лист давала и карандаш. Я их у нас в доме, за шкафом, спрятал, рядом с броневиком.

Так у Егорки появилось много серьёзных дел: закончить расчерчивать солнечные часы, наблюдать за всходами растений, вечером, в прохладу, поливать их из маленькой лейки, следить, чтоб в двух бочках и корыте всегда была вода.

Олег колот дрова и время от времени поглядывал в сторону брата. В один момент его не увидел, отвлёк штабной ефрейтор, доставивший на лобное место очередную пару: солдата и унтер-офицера. Юрген посмотрел на русского, но, чтобы унижить нарушителей дисциплины, его с территории штаба не выгнал, а принялся за привычную работу, но порол более жестоко, чем раньше. У солдата выступила кровь.

Олега вопли отвлекали — того и гляди палец на ноге отрубишь. Закончив наказание, палач подождал, пока выпоротые оденутся, но ни еды, ни даже воды не предложил, с помощью ефрейтора затолкал их в автобус и увез. Олег закончил работу и ушёл в свой двор. Дверь в дом была закрыта. Егорка смотрел на часы.

— Ты почему прекратил полоть? — удивился брат.

— Фашисты вопят, работать мешают.

Сегодня Рая брела в госпиталь, едва переставляя ноги, ей не хотелось ни видеть гитлеровцев, ни слышать их гавкающие голоса. Она так погрузилась

в себя, что не заметила, как оказалась возле церкви. На щите для объявлений болтался очередной указ, его по слогам читала пожилая женщина:

— За непосещение школы штраф сто рублей. — Увидев Раю, она перекрестилась, сказала без всякого выражения: — Две буханки хлеба, — и исчезла.

Раю словно поразил удар: “Детей не учат, а дрессируют, как зверей! А Егор, Олег? Их там заставят осознать, что русский — это раб! Их не допустят ни к современной технике, ни к знаниям — всё только для арийцев. Нет, я не смирюсь. Я всем напомию, что была иная жизнь, теперь похожая на сказку. Фашисты твердят, что Красная армия разбита, и рейх неизбежен, а я верю в нашу силу, я стану говорить правду. Но чтобы её знать, мне надо находиться среди врагов!” — Она стряхнула минутную слабость и ускорила шаг.

А в госпитале опять Йохан — ни отдохнуть, ни скрыться. Осточертел! Только остались вдвоём, он за своё:

— Фрау Рая, в городе открыли казино, там рулетка, её коммунисты запретили. Как возбуждает! Можно выиграть чемодан денег. Испытаем судьбу?

— Как вы галантны, Йохан, но мне нельзя: маленький ребёнок ждёт, будет волноваться, что с мамой страшное случилось, да и не отдала я ещё вам свой долг.

При упоминании о долге немец призадумался, но ненадолго.

— Там оркестр выступает, не военный, профессиональный, и певица, — не унимался соблазнитель.

Рая вспомнила о его болевой точке и с силой на неё нажала:

— Туда, наверно, жандармы ходят, увидят вас с русской, схватят, да и мне не поздоровится. Не пойду! До свидания, встретимся завтра... в госпитале.

Вечером Рая дождалась, когда Клава, Олег и Егорка улягутся спать в большой комнате и заснут, заперла входную дверь и прихожую, закрыла ставни и лишь после этого зажгла на кухне свечу. Затем достала с верхней полки буфета ручку, промыла пишешку на конце пера, растворила в чернильнице фиолетовую таблетку, положила на стол лист плотной оберточной бумаги, села и начала сочинять текст. Задумалась: “К кому обращаться: женщинам и старикам? Ну, прочтут они, ну, перекрестятся, Богу помолятся — и только. Самое верное — это подростки. Они — будущее и надежда! Фашистские плакаты ориентированы на молодёжь. Но они лживы, а я скажу правду!”

Рая макнула перо и начала выводить слова печатными буквами:

“Юноши и девушки, вы скоро подрастёте, и вас угонят в Германию, где не будет ни собственного дома, ни огорода, а только рабский труд по двенадцать часов в сутки за миску похлёбки. Вы начнёте кормить немецкую армию, чтобы она разрушала наши города и сёла. Не верьте красивым плакатам. Фашистов разбил под Москвой, уничтожат и в других местах.

Готовьтесь к сопротивлению, а не к рабству!”

Рая сварила из крахмала клей, наполнила им маленькую грелку, спрятала её и листовку на буфете и уже успокоенная легла спать. “Завтра... завтра... — твердила она, засыпая, — выберу момент и наклею”.

В госпитале Рая выполняла свои обязанности безупречно. Во второй половине дня кабинет покинул последний раненый. Йохан, найгрывая на губной гармошке баварский танец, ушёл в другие палаты. Рая потрогала грелку, спрятанную под мышкой в потайном кармашке платья, убедилась в надёжности крепления, сказала себе: “Пора, до комендантского часа времени достаточно, успею”, — аккуратно сложила накрахмаленную белую юбку на широких бретельках, шапочку и решительно обратилась к Вадиму:

— У меня заболел сын, отпустите домой.

Хирург позволил.

Рая медленно передвигалась по городу, опустив голову, искоса поглядывая по сторонам, — никого, даже патруля. У щита для плакатов и указов остановилась, прислушалась — ни шороха. Вынула грелку и быстро, поверх очередного призыва работать в Германии, наклеила свой призыв.

— А это вы сделали! — раздался сзади юношеский голос.

Она, не вздрогнув, обернулась.

— Ты видел?

— Догадался: только что этого листка не было, а теперь он есть.

— Донесёшь?

— Зачем? Уходим, патруль за углом. Скоро комендантский час начнётся.

— А сам почему не дома?

— Да вот выслеживаю, кто фашистские плакаты вывешивает. Вы, тётя, попусту не болтайте. — Он затащил её в развалины кирпичного дома, пояснил: — Отсюда улица хорошо просматривается, а нас не видно, переждём.

Рая захотелось узнать об этом парнишке всё.

— Ты в школе учишься?

— Зачем? Мы это в младших классах проходили, отговорился. Учитель обещал бургомистру не сообщать. Вот я и нашёл себе другое занятие. Если патруль остановит, скажу, живот болит. Они это по-русски понимают.

— А живёшь с кем?

— С маманей и бабушкой, брата в Германию угнали. Небось, видели плакат: “Работая в Германии, ты защищаешь свою Родину”. Мою Родину папая на фронте защищает, а не фашисты, если опоздает, меня тоже угонят.

— Не опоздает, — заверила Рая. — Держись. — Она обняла парнишку. — Жить-то, наверно, трудно?

— Справляемся. Огород у нас, да ещё мамане за расчистку улиц от завалов буханку хлеба в день дают, — рассказывал парнишка и неожиданно предложил: — Тётя, давайте я помогать вам буду, на аташе стоять, одной опасно. Только имени вашего не спрошу, хотя это не вежливо, и своё не скажу.

— Ну, ты прямо партизан. Кстати, знаешь, что это французское слово означает инакомыслящий.

— Я не инакомыслящий, — обиделся паренёк, — я — инакодействующий. Верных друзей буду водить листки читать, не бойтесь, как бы случайно. А чтобы ищек запутать, будем клеить в разных местах... — Задумался. — Полицаев надо опасаться, но они заметны, более опасны притаившиеся. Я уже некоторых знаю и других выявлю: кто срывает наши листки, тот и предатель. — Парнишка приподнял козырёк кепки. — Ну что, тётя, покедова. Меня не ищи.

— До скорого, — подняла ладонь Рая, надеясь на встречу.

Через день он преградил ей дорогу, сказал с ненавистью:

— Никакая ты не партизанка, а подсадная утка, для фашистов крикаешь: немцев лечишь и во дворе жандармского штаба живёшь.

Она на миг растерялась:

— Всё так, поверить мне трудно, но попробуй. Вот скажи: у тебя есть радиоприёмник?

— Нет, только бургомистру разрешили. Если у других обнаружат, сразу в трудовой лагерь загребут. Да что говорить, у нас до войны денег на него не было, а сейчас света.

“На контакт пошёл”, — отметила про себя Рая и продолжила укреплять хрупкий мостик наметившегося взаимопонимания:

— Ты подумал, от кого правду на фронте узнавать? Молчишь. Отвечу: от немцев в госпитале. А что с жандармами рядом оказалась, так это они наш дом от города колючкой отгородили, вся семья за ней, только меня выпускают, потому что у меня аусвайс медсестры, а его дали из-за хорошего знания немецкого языка. Фештанден? И давай закончим разговор. Нам долго находиться вместе опасно. Либо верь мне, либо гуляй сам по себе.

— Я подумаю, — сказал парнишка и нырнул в проход между развалинами.

Следующий раз он встретил её по-дружески, сказал отрывисто:

— Меня не схватили, и слезки нет. Я вам поверил и буду помогать.

— Тогда первое поручение, фактически личная просьба: раздобудь для моего племянника учебники для девятого и десятого классов по алгебре, геометрии и физике.

— А он что, сам не может за ними прийти?

— Его жандармы не выпустят.

— Вот гады! С детьми воюют. Ну, ничего, кровью харкать будут.

Рая нахмурилась:

— Ты на ругательства силы не трать... — После паузы посоветовала: — Попроси учителей позаниматься с тобой, отбросим фашистов, легче наверстаешь упущенное.

Парнишка поручение выполнил, какой-то неприметной тенью он появился из подъезда разбомблённого дома и протянул портфель:

— Как просили. — Похвалился: — А физик согласился со мной задачей решать. — Сказал с обидой: — Ваша просьба была пустячной, я хочу по-настоящему помогать: листки клеить. Когда напишете, дайте знать, повяжите белый платок, я издали увижу, у меня здесь наблюдательный пункт, пионером в разведчиков играл, научился прятаться.

— Мал ты ещё, несерьёзный, — сказала с сожалением Рая и передразнила: — Играл. Мне не доверял, выслеживал, а поймают — всё обо мне выложишь?

— Не поймают, — заверил парнишка, — я опасность издали чувствую, сразу по коже мурашки бегают.

Сёстры организовали семейную школу. Олег начал с алгебры, но без учителя сложно, и всё же, постепенно, с помощью тётки и учебника осилил программу за девятый класс.

Клава занималась с Егоркой. Он уже различал цифры и числа от одного до двенадцати, но очень удивился, что их можно разделить на части. Тогда для наглядности она взяла три спички, тесно сжала их вместе, написала под ними цифру три и неожиданно дунула — палочки разлетелись. Егорка от такого безобразия даже вздрогнул.

— А теперь, — продолжила Клава обучение, — напиши под каждой спичкой цифру один. — Она подождала, пока племянник выполнит задание. — Теперь снова соедини их вместе и скажи, какую цифру надо написать ниже?

— Три, — ответил прилежный ученик.

— Ну, Егорка, ты внимательный. — Клава снова разъединила палочки. — А теперь складывай их вместе, если взял одну спичку, говори: “У меня одна”, — взял ещё одну, говори: “У меня уже две”, — взял ещё, говори: “Теперь получилось три”. — Она подождала, пока он осмыслит, дунула и попросила сложить цифру два.

Егорка сблизил две спички и твёрдо сказал:

— Я понял, что числа состоят из нескольких частей, — подумал и добавил: — Только эти части невидимы, в цифре скрываются.

Олег научил брата забавам. Сперва показал, как из костяшек домино вырастить гремучую змею.

— Я видел такую на картинке, а у тебя она неживая, — высказал сомнение Егор.

— Не отвлекайся, следи за моими действиями, — пресёк брат. — Он поставил их вертикально, одну за одной, и толкнул.

— Слышишь, как они щёлкают, — это змея ползёт. Попробуй повторить.

Брат сумел выстроить змею из шести костяшек — даже толкать не понадобилось, они сами повалились.

— Ничего, не переживай, — ободрил Олег, — тренируйся.

Затем он достал колоду карт:

— Сейчас мы построим многоквартирный дом, как в Англии. — Он приложил две картонки под углом друг к другу. — Это первая квартира. — Рядом сложил такую же. — А это — вторая. — Попросил Егорку пристроить в ряд ещё одну. Но у того задрожали пальцы, и дом сломался. Удачно получилось только с четвёртого раза. Олег накрыл три квартиры одной крышей. — Видишь, мы построили одноэтажный трёхквартирный дом. — Посмотрел на брата и задал загадку: — У тебя много карт, а вот сколько квартир ты ещё сможешь разместить на втором этаже?

Егор положил несколько штук перед собой, подвигал их и, наконец, радостно сказал:

— Две.

Олег обрадовался:

— Из тебя вырастет первоклассный строитель!

Брат согласился и серьёзно уточнил:

— Если строить дом из карт, то на каждом верхнем этаже будет на одну квартиру меньше.

В комнате было темно, свеча моргнула и погасла.

— С этими забавами все свечи пожжём, — распереживался Егор.

Так у него, кроме прополки сорняков и полива огорода, появилась ещё забота: изготавливать светильник из стеариновых натёков, он собирал их в плошку, плавил и вставлял фитиль из верёвки.

В середине лета Йохан сменил шкуру труса на рыцарские доспехи. Он ликовал:

— Наша танковая армада гонит русских варваров по степи, словно стадо баранов. Молниеносным прыжком мы форсировали Дон, Кавказ развалится сам, доблестная авиация сотрёт в пыль Сталинград — этот символ усатого вождя, Ленинград в последних судорогах, Москва свалится в огромный котёл, сварим из комиссаров суп для свиней.

Рая протирала спиртом скальпель и едва сдерживалась, чтобы не отрезать пакустый язык у слабака, возомнившего себя воином.

Она вышла из госпиталя в семь вечера, бродила по городу, выискивая стенд с броским плакатом. Наконец нашла подходящий — танк на фоне фашистского флага, внизу по-русски: “Мощь Германии растёт с каждым днём! Вот почему Германия победит”. “То, что надо”, — подумала она и поспешила домой.

Текст листовки давался трудно, ведь положение на фронте действительно складывалось не в пользу Красной армии. “Но я должна перекрыть фашистскую пропаганду, ободрить горожан!” — Рая пересилила минутную слабость и начала выводить буквы:

“**Славяне**, вражеские механизированные полчища рвутся к бакинской нефти, им уже не хватает чахлах месторождений Румынии. Гитлер бахваляется, что на него работает вся Европа, но наши московские и уральские заводы мощнее, Ленинград не сломен. Гитлер не учёл стойкость советских солдат и талант русских полководцев, ему непонятен самоотверженный труд наших рабочих и колхозников.

В его задницу ударит Сталинград.

Фашисты найдут смерть на берегах Волги!”

Парнишка вынырнул из развалин, как всегда, неожиданно.

— Привет, вы в косынке, ну, думаю, дело будет.

— Привет, я приглядела плакат с немецким танком, нам надо туда.

— Я знаю, где такой, пойду первым, если обнаружу опасность, поверну козырёк кепки на затылок.

Возле стенда ни души, желающих читать немецкую агитку не нашлось. Парнишка ходил рядом кругами. Рая натренированным движением достала грелку и наклеила листовку поверх танка.

На третий день по пути домой она услышала сзади знакомый голос:

— Не останавливайтесь, не поворачивайтесь, докладываю результаты: ваша первая листовка провисела два дня, потом её сорвал лавочник, торгующий керосином на базаре. Второй раз я уже действовал с умом: ненавязчиво, как бы случайно, с разговорами, подвёл своих пацанов к стенду, дождался, когда прочтут... Один из них громко сказал: “Есть в нашем городе смелые люди”. — Я оттащил их от греха подальше... Видел, что они поодиночке ещё несколько раз подошли, потом двое полицаев соскребли листовку, особенно злобствовал молодой, да так, что порвал плакат. До сих пор танк без пушки красуется.

Первого августа Рае заплатили немецкими карбованцами за два месяца, и она, задумавшись о предстоящих тратах, собрала семейный совет. Предложила некоторую часть отложить на осень, когда крестьяне соберут урожай, и цены на базаре снизятся. Объяснила, что надо запастись кукурузой, чтобы пережить зиму.

Егорка слушал внимательно: он уже знал, что такое часть.

Олег возразил:

— Славянск к этому времени освободят!

— Наверяд ли, я узнала от немцев, что наша армия отступает.

— А потом что? — приуныл племянник.

— А потом, — взбодрилась Рая, — фашистская армия скукожится.

— Ну что ж, если надо, будем экономить, — со вздохом согласилась

Клава.

В госпитале оборудовали небольшой кинозал. Завезли бобины с кинофильмами самых популярных актрис рейха: Марикой Рёкк, Ольгой Чеховой, Лидой Бааровой и Ильзой Вернер. Члены НСДАП — национал-социалистической германской рабочей партии (их было легко узнать по значку) контролировали, чтобы все посмотрели документальные фильмы Лени Рифеншталь: “Триумф воли” и “Олимпиада”. В офицерской и солдатской палатах установили радиоприёмники “Харнифон”, за репертуар, — как правило, это были марши и эстрадные песни известных исполнительниц — отвечали старшие по званию. В вечернее время в связи с малой мощностью электрогенераторов и экономией бензина свет включался только на два часа.

Йохан вошёл в кабинет твёрдым шагом, от переполнявшего его чувства причастности к великой нации он стал похож на Гитлера, без которого не обходился ни один сюжет кинохроники.

— Фрау Рая, Вадим, запомните этот день — сегодня, 23 августа 1942 года наша доблестная, отмеченная Богом люфтваффе заслонила свет над Сталинградом, город рушится, как карточный домик. Наши героические войска вышли к Волге!

Русские промолчали.

В коридоре Рая услышала обрывки разговора между обожжённым танкистом и солдатом на костылях о том, что танковую армию, брошенную на Кавказ, Гитлер перенацелил на Сталинград, а в качестве подкрепления пригнал макаронников и мамальжников. Возвращаясь в кабинет, она рассуждала: “У вермахта воевать по двум направлениям уже сил не хватает, а из итальянцев какие вояки, если они потерпели поражение от греков в 1941 году... румыны вообще не в счёт — получается, что гитлеровское командование подчистило все резервы... Как же тяжело будет нашим. Но если Красная армия выстоит, немцам в Сталинграде капут, а о бакинской нефти им придётся забыть”.

С погодой крестьянам повезло, в конце сентября они собрали богатый урожай. Рая пришила к мешку лямки, привязала по нижним углам камешки — получился сидор — солдатский вещевой мешок.

На базаре прилавков больше, чем покупателей. Она выбирала, у кого дешевле и кто поговорчивей. Её нагнал знакомый парнишка:

— Вы уже месяц без косынки. Я подумал, вы опасаетесь слезки, но я её не заметил. Скажите, какое положение на фронте?

— В Сталинграде тяжёлые бои. Но людские резервы вермахта истощены. У него танков много, а моторного топлива мало. Я дам знать, когда сочту нужным, в холодную погоду надену белый берет. Держись.

Рая наткнулась на Михася, остановилась: вроде у него цены были приемлемы. Увидев бывшую жилищку, куркуль оживился, достал безмен, выхватил у неё сидор, попытался наполнить кукурузой в початках и всучить в тридорога, но она, в основном жестами, настояла на своём: взяла только пять килограммов лучшей, оплатив немецкими карбованцами. На оставшиеся деньги в керосиновой лавке купила свечи. Лавочник произвёл странное впечатление: вроде он должен выглядеть уверенным и наглым, к примеру, как Михась, а этот какой-то пришибленный, небритый, лицо от уголков губ

к носу разрезают скорбные морщины — не хозяин, а прислужник, и даже не за тридцать сребренников, а от страха.

Дома Рая высыпала кукурузу на противень, разровняла и поставила его возле окна для просушки. Сыну поручила её перемешивать, а сама убежала в госпиталь. Егор отнёсся к поручению со всей серьёзностью, он отвлекся только один раз, чтобы поесть картошки и попить воды, так что к её возвращению зёрна были твёрдыми, как камешки. Теперь предстояло их раздробить. В детстве Рая видела, как папа пользовался крупорушкой, поэтому быстро нашла её в кладовке, на полке для инструментов. Подошёл Олег, вместе они туго привинтили станок к кухонному столу. Рая наполнила приёмную воронку и осторожно повернула ручку — из желоба в корытце посыпалась крупа. Егорка попросил доверить это увлекательное занятие ему. Вскоре он сам насыпал зёрна в воронку и, поднатужившись, крутил ручку. Но, к огорчению, кукуруза на следующий день закончилась.

Клава отсеивала шелуху и мечтала: “Конечно, из крупы можно варить кашу, но как хочется испечь лепёшек”.

Помог случай. Егорка не имел понятия о случаях, но имел тягу к поискам чего-то необычного. И вот, когда все ушли и ему опять стало скучно, он открыл кладовку и полез в сундук. Поднял крышку и всё, что было в нём, выложил на пол. Его внимание привлёк странный тяжёлый механизм, похожий на мясорубку. Покрутил ручку — это доставляло удовольствие. Тогда он убрал вещи на место, запер дверь, а найденную штуку отнёс на кухню. Приглядевшись, сообразил, что её так же, как крупорушку, можно прикрепить к столу, и тогда ручку крутить будет удобней. За этим занятием его застал Олег. Вернувшаяся из штаба Клава тоже не знала, что это такое. Проблему разрешила Рая:

— Это мельница, она стирает крупу в муку.

Клава испекла четыре лепёшки, их посыпали сахарином и с наслаждением съели.

Олег и Егорка собрали последние овощи... фасоль... срезали подсолнухи... выломали початки кукурузы, их оказалось немного, да и с теми задумались, как использовать, ведь лушпилки-то нет. Клава предложила их отварить и съесть.

— Не торопись, — возразила Рая, — нам ещё зиму надо пережить.

Олег, как прошлый раз, о положении на фронте не спросил, сам догадался, что сложное.

Егорка опять остался один. Копаясь среди дедушкиных инструментов, нашёл тяжёлый цилиндр, похожий на тёрку, только треугольные зубцы загнуты не наружу, а внутрь, под ними отверстия. “Построю крепость из початков, — решил он, — пушка уже есть”.

В это время в штабной двор привезли сразу троих немцев. Офицер приказал им спустить штаны, а самому длинному лечь на лавку. Юрген порол остервенело. У Олега от воплей закладывало уши, и он убежал домой. Плотно закрыл за собой дверь и лишь тогда успокоился. Заглянул в кухню, Егорка показал на крепость:

— Смотри, какая крепкая, любую осаду выдержит. А пушка! Как ахнет — все фашисты падут замертво.

— Ты талантливый инженер, — согласился брат и вытащил пушку из бойницы. Он вертел её так и эдак, ну, прямо, как мартышка из басни Крылова, но на ум ничего не приходило.

— А давай её початком зарядим, — воодушевился Егор и начал заталкивать снаряд в дуло. — А он не входит! - Пришлось брату помогать, прокручивать, и тут из треугольных отверстий посыпались кукурузные зёрна!

— Так это же лушпилка! — воскликнул Олег. — Спасибо дедушке и бабушке! Вот твоя мама обрадуется. Как хорошо, что початки сразу не сварили. Сохраним кукурузу на зиму!

Инструмент вручили родителем торжественно, как самый ценный подарок.

— После войны засеём целое поле, — мечтал Егорка, — соберём урожай, покроем початками весь пол в маленькой комнате, я сяду и буду лушпить...

В полночь Рая завела часы, зажгла светильник, достала фотографию, где она с Андреем и сыном, поставила на кухонном столе перед собой. Егорке тоже не спалось, и он примостился рядом. Она его обняла, прижала и спросила:

— Помнишь папу?

— Помню. Всё помню: и как в парке гуляли, и как по реке на лодочке катались, и как ты чуть в воду не упала, пересаживаясь на его место, и как он учил грести и табанить.

Мама погладила фотографию...

— Папа о нас ничего не знает. Давай напишем ему письмо. Ты рассказывай, а я запишу.

Егор начал обстоятельно перечислять:

— Мы живём в дедушкином доме с тётей Клавой и Олегом. В кладовке много инструментов. У нас всё хорошо. Дрова есть. Огород убрали. Люблю грызть морковку. Возвращайся скорее.

“О фашистах ни слова, — мысленно поблагодарила Рая сына за стойкость, — не жалобщик и не нытик”. — Она дала ему карандаш: — Теперь нарисуй что-нибудь.

— Я буквы умею, — сказал Егор и начал старательно чертить. Получилось: “Папа, привет!” Рая поставила число, склеила с сыном конверт и вложила письмо.

Подошёл срок продления аусвайса. Прежде чем идти в управу, Рая как бы из любопытства спросила у Вадима, откуда взялся бургомистр. Тот ответил без упрека и зависти:

— Раньше в коммунистах числился, в горисполкоме хозяйственным трудился, теперь городской голова.

Она задумалась: “Не он ли выдал тех, кого фашисты в первые дни повесили? Ловкий тип, хамелеон, когда надо — большевик, дойчи пришли — их использует, а сам за неньку Украину ратует, выжидает — недобитый петлюровец, националист”.

— Oh! Mein Gott! Как вы похожи на Ильзу Вернер, — неожиданно раздался голос Йохана. Он сидел напротив и наблюдал за сменой выражения её лица — хорошо ещё не за мыслями.

Рая на него посмотрела и лишь сейчас увидела, как он изменился за последние дни: потускнел, от недавней напыщенности не осталось ни чёрточки. Она дождалась, когда они останутся одни, и решила его пожалеть (вдруг пригодится), спросила, что случилось. Тыловой воин скривился, словно от зубной боли. Прерывая нить продолжительными паузами, рассказал, что проиграл в казино все деньги, даже отложенные для матери, а вдобавок ещё и задолжал крупную сумму.

Рая деловито поинтересовалась, кто хозяин заведения.

— Какой-то хохол, — сморщился представитель исключительной нации, будто наступил в дерьмо, и тут же воскликнул срывающимся голосом: — Oh! Mein Gott!.. Хохол пожалуется бургомистру, тот донесёт коменданту, он доложит военной полиции о моём поведении, позорящем германскую нацию. Oh! Mein Gott! Меня вышорют. Кто поможет?!

— Не зови Бога, я постараюсь, — успокоила Рая. — Скажи, Йохан, хозяин немецкие карбованцы принимает?

— Конечно, — казино не только для офицеров, но и для гражданских: бургомистра, торговцев и даже полицаяв обслуживает.

— Не унывай, Йохан, ведь ты не куришь, наверно, сигарет накопил — не унести. Я их продам, весь доход тебе, вернёшь долг.

Он тут же ушёл, через час вернулся, в руке — чемоданчик с опознавательным знаком врачей Красного Креста, раскрыл — тот был наполнен пачками сигарет — и положил Рае на колени.

Она рассердилась:

— Ты неосторожен, хорошо, что сейчас нет Вадима, спрячь в свою тумбочку, передашь мне, когда скажу.

Рая стала появляться на улице в белом берете. Через некоторое время ей встретился “инакодействующий” парнишка:

— Я понял: мне предстоит выполнить очередное задание.

— Да, — подтвердила Рая, — и очень ответственное. Завтра жди меня здесь же около шести вечера. Ещё будет светло. Захвати с собой рюкзак или пошей сидор.

— Исполню в точности. Только скажите, как положение на фронте?

— Судя по разговорам и настроению раненых, Сталинград отбил два мощных наступления. У гитлеровского командования надежда, что ситуацию переломит армия под командованием какого-то Паулюса.

Охранники Раю на выходе из госпиталя не остановили. Парнишка встретил в назначенное время, показал сидор.

— Что у вас? Сигареты! — Сказал разочарованно: — Я думал, листовки.

Рая, не обращая внимания на возгласы и удивление, попросила говорить тише и пояснила, что это только на первый взгляд сигареты, а по сути — информационные патроны. Ты немецкое курево продашь, я деньги вручу кому надо, а он сообщит самые последние и достоверные сведения.

— Ладно, — согласился парнишка, — приготовим наживку для информатора. Наторгую карбованцев. Меня не ищите, сам найду.

— Oh! Mein Gott! — воскликнул Йохан, увидев деньги. — Ильза, вы добрый демон! — Он так обрадовался, что забыл, кто перед ним. Хотя, может, сказывалось действие наркотика. Слабак почувствовал себя орлом, слетевшим с герба фашистской Германии.

— Ты ошибся, я — Рая, медсестра.

Йохан оторопело уставился на неё.

— Извините, фрау. — Он переложил карбованцы в чемоданчик и убежал.

В ноябре госпиталь охватила нервозность. Из радиоприёмников грохотали победные марши, перемежающиеся взбадривающими выступлениям Гитлера; однако количество развлекательных фильмов уменьшилось; поток раненых возрос, чтобы освободить койки, недолеченных офицеров и даже солдат отправляли в глубокий тыл.

Йохан получил приказ чаще заменять болеутоляющий опиоидоксикодон на более действенный и вызывающий эйфорию первитин. Теперь всё свободное время он изготавливал из него чудо-конфетки: растирал в агатовой ступке кристаллики, делал в мармеладке надрез, насыпал порошок и склеивал — и сладенько, и боевой дух поднимает. Иногда, как замечала Рая, он и себя ими баловал. Из наступавших вслед за этим приступов болтливости она узнала, что группировка Паулюса окружена.

В начале декабря Йохан проговорился, что группа армий “Дон”, сформированная для деблокирования армии Паулюса, потерпела поражение.

Рая подготовила листовку.

“Славяне, фашистская армия вместе с командующим фельдмаршалом Паулюсом окружена под Сталинградом плотным кольцом. Хваленые вояки истощены от голода, танки и бронетранспортёры обездвижены.

Волчьей стае не вырваться!”

Листовку наклеили поверх пожелтевшего распоряжения оккупационных властей об обязательном обмене советских рублей на немецкие карбованцы до 1 июля 1942 года.

Парнишка ликовал:

— Просчитались паразиты, скоро у нас снова будут деньги с Лениным, шахтёром, солдатом и лётчиком!

Перед рождеством Юрген притащил половину коровьей туши и бросил рядом с толстым чурбаном. Долго разделявал, приноравливался, как удачной её раскроить. Олег и Егорка наблюдали за ним издалека.

Палач рубил омоло, словно раньше был мясником. И всё же маленькие косточки разлетались на значительное расстояние. Братья мёрзли, но терпеливо ждали, когда он закончит. Юрген оставил огромный кусок, а остальным

мясом наполнил две молочные фляги и уволок за здание штаба. Клава видела, как он их закопал в глубокий снег. Наконец он вернулся, взвалил окова-лок на плечо и скрылся в дверях.

— Уже можно? — прошептал Егорка.

— Попробуем, — разрешил Олег и принялся копаться вокруг чурбана.

Братьям попадались косточки с кусочками мяса, жилы и шкурки, их рассовывали по карманам зимних пальтишек, штанов и даже в варежки.

На крыльцо вышел офицер, презрительно скривившись, произнёс излюб-ленное:

— Русишьшвайн!

“Сам свинья!” — огрызнулся Олег.

Рая сварила из ребячьей добычи фасолевый суп — так отпраздновали встречу Нового года.

Офицер заставил Клаву накрутить на мясорубке фарш и перемешать с мелко нарезанным луком. Германцы ели его сырым, мол, так положено во-инам.

Вскоре она приноровилась набирать в грелку бульон и, спрятав под одеждой, приносить домой — несколько дней питались, как баре. Но больше решили не рисковать, ведь Юрген за воровство может забить до смерти.

В середине января Йохан вновь потускнел. В свободное время он садил-ся в кресло и наигрывал на гармошке что-то тоскливое или, понуро опустив голову, бормотал.

“Опять проигрался”, — подумала Рая, и тут среди мешанины бессвяз-ных фраз выделилось одно яркое слово: Сталинград!

Она аккуратно встретила в его полубредовые страдания:

— Моторное топливо?

— Закончилось, — ответил он своим мыслям, — солдаты мёрзнут, го-лодают — вторая Москва... Хорошо, что меня там нет.

Рая заставила его очнуться:

— Что, всё так плохо?

Скукожившийся воин пробормотал:

— Попытка переброски грузов по воздуху провалилась. Всё летит в пре-исподнюю. — Обречённо махнув рукой и ссутулившись, вышел из кабинета.

Госпиталь переполнился. Койки заполнили коридор, между ними остал-ся полуметровый проход. Вадим подолгу пропадал в операционной. Часто ра-неных охватывала беспричинная истерика. Мармеладки лишь взвинчивали нервы.

Из разговоров раненых фрицев Рая поняла, что последние очаги сопро-тивления немецких войск были подавлены и в плену оказались более ста тысяч солдат, офицеров и генералов, включая фельдмаршала Паулюса. Ста-линградская битва завершилась полным поражением вермахта и его союз-ников. В рейхе объявили трёхдневный траур, все радиостанции передавали похоронную музыку, были закрыты увеселительные заведения, а в Славян-ске — казино.

Рая, протискиваясь мимо коек раненых, спрашивала, откуда они. Обыч-но отвечали, что из-под Ростова. В середине февраля поток раненых из это-го района прекратился.

Она ликовала: “Выбили фашистов, скоро и наш город освободят”.

Рая написала листовку в двух экземплярах:

“Славяне, враг уничтожен под Сталинградом. Сто тысяч заморышей сда-лись в плен. В рейхе траур. Ростов освобождён. Красная армия выщипала перья на одном крыле фашистского орла — он ещё может трепыхаться, но не летать. Юноши и девушки, препятствуйте угону в Германию.

Гитлеру капут!”

Несколько дней Рая надевала белый берет. Возле разрушенного магази-на её окликнул какой-то мужчина:

— Женщина, вы меня ищете?

Она скосила глаза:

— Ты?! Возмужал. Не признала. А ведь совсем недавно выглядел подростком. Где пропал? Я уже беспокоилась — вдруг схватили.

— Это не так просто. Дядьку проводывал, он в депо мастером. Вы лучше рассказывайте, а не спрашивайте, сколько времени не виделись.

Рая огляделась — вроде никого, доложила:

— Фронт приближается. Наша армия после ожесточённых боёв сломала сопротивление фашистов в Сталинграде, пленных столько, что если вместе поставить, десять гектаров займут, сдались все: и солдаты, и офицеры, и генералы, и даже хваленый фельдмаршал Паулюс. В Ростове восстанавливается мирная жизнь. У меня два экземпляра листовки. Я уже приметрела для них впечатляющие плакаты. Завтра встречаемся в это же время.

Сумерки... Шаги патрулей на искорёженной мостовой слышны издалека. Рая и парень действуют по отлаженной схеме. Одну листовку приклеили поверх плаката, на котором вражеские танки окружают развалины красного города, понизу призыв: “Вы окружены, но у вас ещё есть выход: перейти к немцам и тем самым спасти жизнь для Родины”.

— Обмишурились предатели, — сплюнул парень, оценивая проделанную работу, — не мы в плен сдались, а поганая немчуря — будет теперь на нас арбайтен.

Для второго экземпляра Рая выбрала плакат, на котором Сталин пилит доски для гробов, с подписью “Батюшка Сталин заботится о своих дивизиях”. Она уже собралась клеить, но парень воспротивился:

— Таковую пакость безнаказанной оставлять нельзя. Я сам всё сделаю. Уходите!

Через несколько дней Рая ещё издали увидела, что листовка на плакате отсутствует. Подошла ближе... лицо плотника — карикатура на Гитлера, поразительное сходство: так же раскрыт рот, вертикальные усики и косая, свалившаяся от напряжения, чёлка.

— Любуется, — раздался сзади знакомый голос, — листовку полиция сняли, но что удивительно, пожилой её не порвал, а бережно сложил и в карман спрятал. Я посчитал, что они больше не вернутся, и плакатик подправил. Классно получилось. До скорого, женщина. Жду победных новостей.

По пути домой её одолела тревога за будущее сына. Привычка... Плохо это. Все привыкают ко всему, но быстрее — рабы, стоит им забыть о прежней жизни, тем более, если у них посильный труд и... кормят. Егорка мал, уже третий год за оградой, ничего, кроме двора, не знает. Скоро яркие картинки сотрутся из памяти, и он станет... рабом. А когда наши придут, освободят, что увидит? Развалины... Воспоминания превратятся в сказку. Ну и что? Пусть они станут мечтой, к которой надо стремиться.

Вечером она позвала сына, достала уже знакомую ему фотографию:

— Ты папу помнишь?

— Он мне снится. Лётчиком. Ты так говорила. И я с ним, фашистов бьём.

— Сынок, мы теперь за колючей проволокой.

— Да, мама, даже к забору не подлезешь, чтобы в щёлочку на улицу посмотреть, а окна закрыты ставнями без дырочек. Мама, а мне и не надо! Я и так всё помню: и дорожки вдоль домов, вымощенные кирпичами, и паровоз “кукушку”, и как на курорте в озере купались и мороженым лакомились.

Рая погладила Егорку и с надеждой услышать оптимистичный ответ спросила:

— Ты очень огорчишься, когда увидишь, что фашисты город разбомбили?

— Огорчусь, но я буду стараться построить его заново, Олег хвалил, что я хороший строитель.

Она отстранилась и пристально взгляделась в сына:

— Какой ты у меня большой, у тебя обязательно получится. А теперь давай напишем папе второе письмо.

— Я давно хотел.

Рая исписала тетрадный лист. Егор вывел в конце печатными буквами: “Папа немцы не выпускают меня в город. Убей их!”

Судя по уменьшению количества раненых, положение на южном участке фронта стабилизировалось. В зубоврачебном кабинете установилось относительно затишье.

Рая уже длительное время прислуживала в госпитале, но у неё так и не сложилось внятного представления о Вадиме. “Немногословен — это черта характера? Разговоров о советской власти, немцах и украинских националистах избегает, значит, обыватель с жизненной позицией: не высовывайся — целей будешь? В критический момент такие выжидатели опасны. А если осторожен по какой-то другой причине?” — Ей требовалась ясность. Хирург выглядел сильным мужчиной, и это приглушило сомнения.

Выбрав подходящий момент, когда они остались одни, Рая стала расспрашивать: есть ли у него семья, как ему удалось избежать мобилизации и почему не эвакуировался?

— Да что тут долго рассусоливать, — пожал плечами Вадим, — и двух слов хватит. Жена с дочерью уехали в Узбекистан, я задержался: у меня мать парализована, наверно, заметили, что я два раза за день отлучаюсь, хорошо, Йохан понимает, зачем, и не доносит. В военкомате вошли в положение, отсрочку дали, так и остался.

— А с немцами почему сносно общаешься?

— Кое-что со школы помню, да ещё латынь помогла... с Йоханом совершенствуюсь.

Рая вкратце рассказала о себе, что обитает (она подчеркнула, что не живёт, а обитает) в отцовском доме с сыном, сестрой и племянником при штабе военной полиции, за оградой из колючей проволоки, и в город выпускают только её.

Хирург уже снял халат, чтобы идти домой, но она, собравшись с духом, решила узнать мнение о Йохане.

— Вадим, мне непонятно, почему он ненавидит нашу страну?

— Суди по-человечески: он — юнкер, дворянин по-нашему, боится, что если коммунисты придут к власти, то всё отнимут.

— А Германией гордится?

— Потому что технически передовая. Патриот, но нацистов не уважает, как видите, от окопов уклонился... Хотя, скорее, по трусости.

В июле Йохан вновь приободрился: примет наполеоновскую позу и вещает:

— Под Курском решающая битва, наши несокрушимые панцер-тигры и тантеры давят русские танки, как тараканов.

Из радиоприёмников улюлюкали и подсвистывали бравурные марши. Медперсонал праздновал победу. Однако в конце месяца начали поступать тяжело раненные с рваными ранами и обожжённые танкисты, в их истеричных разговорах всё чаще упоминалось название какого-то необычного музыкального инструмента — “Сталинский орган”. Вадим пояснил, что так немцы называют мобильную установку залпового огня с реактивными снарядами, в полёте их стабилизаторы издают душераздирающий вой, а при взрыве — страшный грохот. Если уловил эти звуки, считай, остался жив, и смерть в стороне, где земля уже перемешалась с обрывками обожжённых тел. Не убежать, не скрыться — общая могила на сотню гектаров.

У полевых жандармов аврал, все на выезде: единственная дорога из Ростова на запад закупорилась. Офицер назначил начальником штаба штабс-фельдфебеля Юргена. Тот к трудностям привык, даже счастлив, если привозят новую партию саботажников, тут же порет без устали, только руки меняет, машет ими, как ветряная мельница во время урагана. Вечером, не отпуская Клаву, отдыхает. Как-то она вернулась домой за полночь подавленная и словно избитая. Олег услышал, как мама, всхлипывая, о чём-то жаловалась тёте. Та успокаивала и обещала что-нибудь придумать.

Рая обратилась за помощью к Вадиму:

— У моей сестры беда. Она — кухарка в штабе, там сейчас за главного бывший мясник, теперь палач. Это он надругался. Представь, какая у её сына будет травма, если узнает, зарубит изверга, охрана тут же мальчишку поймает, и тогда ему смерть.

— Вадим! — Она с мольбой протянула к нему руки. — Отнесись к сестре по-человечески.

Хирург набрал полные лёгкие воздуха, выдохнул, расслабился.

— Хорошо. Я до войны был акушером.

— А теперь зубной техник?

Тот небрежно отмахнулся:

— Немцам моего общего медицинского образования достаточно. — И уже серьёзно стал рассуждать: — В госпитале опасно, всё на виду, пусть ко мне приходит, понаблюдаю. Если сроки щадящие, сделаю, инструмент сохранился.

У Раи спало напряжение. С готовностью завершила:

— Я буду ассистировать, у нас обязательно получится. У сестры есть аушвайс, она сможет миновать пункт пропуска, выйти на улицу... но без возврата.

— Ладно, и с этим помогу, спрячу, — успокоил Вадим, — назвал адрес и описал дом: зелёный, во дворе флюгер — не ошибётесь.

Сёстры выждали момент, когда Юрген уехал за продуктами. Первой штаб покинула Клава, через некоторое время — Рая. Вадим их ждал. После осмотра назначил время операции.

В госпитале Рая попросила у Йохана разрешения завтра не приходиться: сын заболел, тело покрылось красными пятнами, наверно, корь, ухаживать надо, к тому же у хирурга выходной, и ей всё равно нечего делать.

— О, корь, — закатил глаза анестезист, — это опасно, я тоже болел, проведите ребёнка.

По дому в бешеном темпе носился Юрген. Перемежая немецкие и русские слова, кричал диким голосом:

— Köchin, кухарка сбежала! — в ужасе представив, как его заперют. Не переставая кричать, заглядывал в комнаты, под кровати, распахнул шкаф...

— Чего раскудахтался, — заорала на него Рая, — её здесь нет!

Он оглянулся, на миг задержал на ней бессмысленный взгляд и бросился в кладовку, раскрыл сундук, вышвырнул бабушкины платья, зло выругался, отодвинул, поднял крышку погребка, долго светил фонариком, но спуститься по приставной лестнице не решился, застыл, прислушиваясь, и умильно позвал: — Köchi-in, куха-а-рка-а.

— Кухарка — не кошка, ты ещё кис-кис скажи, — посоветовала Рая и по-немецки связвила: — Спроси на пропуске, куда она девалась.

Палач обречённо вернулся к будке, схватил ближайшего солдата, приказал спустить штаны и лечь на лавку.

Олег, Рая и Егор, чтобы изолироваться от истошных воплей, плотно закрыли дверь в прихожую.

На следующее утро Юрген на штабном дворе не появился.

В конце недели Вадим сказал, что у Клавы самочувствие стабильное, температура пошла на спад, он поит её укрепляющим отваром из целебных трав, рекомендует больше спать и не волноваться, тем более что с сыном всё в порядке.

На южных направлениях Красная армия после разгрома танковой армады под Курском перешла в стремительное наступление. Германия траур не объявила, и зря: лишила дойчей возможности наслаждаться похоронной музыкой, а ведь она такая мелодичная, ну, прямо, за душу берёт... и в рай отправляет. “Наверно, Геббельс сообразил, что идёт по дороге в ад, а там другая музыка требуется”, — догадалась Рая.

Она сочинила листовку:

“Славяне! Гитлеровскому орлу выщипали последние перья, он ещё будет клевать и царапаться, но его смерть неминуема.

До освобождения нашего города осталось не больше месяца!”

Листовку наклеила на стенд с объявлением: “О всех подозрительных лицах немедленно сообщать военным властям и полиции”.

Через несколько дней Рая заметила, что гитлеровцы начали оборудовать на первых этажах развалившихся зданий бетонные амбразуры для пулемётов. Закончив работу, поводят дулом слева направо, скажут: “Гут!” — и принимаются монтировать следующую. “На втором этаже позиция для снайпера, разумно, — фиксировала медсестра, ощутившая себя разведчицей, — мы тоже к бою подготовимся: пометим засады на карте”. При обнаружении каждой новой огневой точки Рая мысленно благодарила начальство, приказавшее являться в госпиталь ранним утром, в самый разгар инженерных работ. На составление карты потребовалось две недели.

Надевая белую косынку, Рая не сомневалась, что уж сегодня парень не застанет её врасплох. Но он, как всегда, возник неожиданно и сразу дал знак следовать за ним. Завёл за периметр остатков фундамента и стен, показал, что с улицы их не видно, и, нагнувшись, сдвинул металлический круг. Уловив, удивлённый взгляд, пояснил:

— Это вход в подвал, у меня здесь схрон. — Протянул ладонь. — А что у вас?

— План немецких огневых позиций.

— Здорово. Тогда спускаемся, поглядим. — Он осветил лестницу фонариком и, предвосхищая вопрос, пояснил, что это подарок дядюшки, мол, тот в депо механиком, и такие выдают для ночных смен.

Парень закрыл за собой люк. Рая распрямила карту города. Указала на кирпичное здание:

— В нём штаб полевой жандармерии, его усилили взводом с двумя пулемётами, они полностью простреливают улицу вдоль железной дороги. Это первоочередной объект для бомбометания. — Посмотрела на парня: — Я не могу перейти линию фронта, на мне двое детей, да и жандармы нас колпачкой огородили, словно пленных, не выпустят.

Парень долго вглядывался, водил лучом, наконец, сказал:

— Я дополню, на это мне потребуются сутки, а потом... — он выдержал паузу, — я переправлю её через линию фронта, мне подскажут прореху, я просочусь. Только как же вы, ведь ваш дом рядом со штабом?

— Мы спрячемся в погребе, он крепкий, даже вентиляционное окошко имеется, не задохнёмся, уцелеем.

Парень снял кепку:

— Прощайте. — Поклонился: — Меня Степаном зовут... Это я так, чтобы знали, кому свечку поставить, если не вернусь.

— Будь осмотрителен.

— Ладно. До скорого. Я первый выйду, осмотрюсь, потом вы.

Как только на окраине города, у вокзала, послышались взрывы бомб, Рая, не снимая белого передника и шапочки, прихватив санитарный чемоданчик, покинула госпиталь. В районе бывшей школы немцы устроили две засады: одну — из самоходной пушки, покрытой маскировочной сеткой, вторая, через двор, представляла собой танк, спрятавшийся под ветками раскидистого тополя. Рядом — окопы для автоматчиков.

Панические мысли не давали Рае сосредоточиться: “Засады недавние, парень о них не знал. Дети без меня погибнут! Красная армия близко, надо предупредить”. — И всё же она ринулась к детям. В проходной будке пусто. Олег и Егорка, сидя на веранде, затаив дыхание, наблюдали воздушный бой. Немецкий лётчик, спикировав, на бреющем ушёл от преследователя вбок. Стал медленно набирать высоту, и тут из небольшого облачка возник другой истребитель с красной звездой; короткая очередь, фашист задымил, вспыхнул, издал предсмертный рёв, воткнулся в землю и взорвался, совсем недалеко, наверное, возле железной дороги, на Банковской...

Рая схватила Егорку за шиворот, Олега — за руку, только затолкала их в погреб и закрыла крышку, как возник тяжёлый, давящий гул. Совсем близко раздался мощный взрыв, стены подземелья осыпались.

— Вовремя спрятались, — прошептал Егорка, вцепившись в маму.

— Скорее всего, наш бомбардировщик в штаб попал, он низко шёл, чтобы не промахнуться, это для него истребители небо зачистили, — предположил Олег.

“А это значит, что Степан передал план”, — с облегчением подумала Рая, и опасения за его жизнь рассеялись.

Налёт прекратился.

Олег, брыкаясь и отталкивая тётю, полез наверх:

— Хочу собственными глазами видеть.

Рая велела Егорке ждать и последовала за племянником.

От штаба остался только фундамент, груда кирпичей, два искорёженных пулемёта и четыре трупа. Вокруг — осколки стёкол. Будку пропуска искорёжило так, что не протиснуться. Ударами кирпичей выбили доски. Рая взглянула на улицу, взгляд упёрся в “Кюбельваген” — на его заднем сиденье вниз головой, залитой кровью, свисал Юрген.

“Сдох паучий выродок”, — она стиснула зубы, чтобы пнуть, но тут в конце улицы раздался рёв танкового двигателя. Рая вскинулась: “Красная армия!” — Отшвырнув труп, она бросилась наперерез, замахала руками:

— Стойте! Стойте!

Олег сразу догадался, что тётушке надо помочь, бросился вслед. Вдвоём они перегородили улицу. Танк застыл в двух шагах. Его пушка, покачиваясь, нависла над головами. Откинулась крышка нижнего люка, показался водитель в чёрном шлеме.

— Впереди засада! — закричала Рая. — Мы знаем, как её уничтожить.

Тут послышался рёв второго танка, он остановился вплотную за первым. Рая приказала Олегу:

— Лезь на броню первого. Вспомни школу. Там немецкая самоходка, у неё башня не крутится. — Крикнула водителю: — В засаде “фердинанд”, рядом — окоп, в нём — два или три автоматчика. — И снова племяннику: — Покажи путь в обход, огородами.

Олег, вцепившись в какие-то железки, орал, едва перекрывая грохот:

— До переулка. Налево! По огородам. Внимание. Слева!

Фашисты в окопе не ожидали нападения с тыла. Очередь из пулемёта срезала их головы вместе с касками. Выстрел из орудия — и “фердинанд” вспыхнул.

У второго танка люк водителя не открывался непросто долго. Наконец появилась голова. Рая была готова наброситься на неё с кулаками, но поняла, что не дотянется, гаркнула по-мужски:

— Солдат! Не дрейфь! На улице засада. Я покажу объезд. Врежь немецкой черепахе под хвост. Рядом окоп, в нём автоматчики. Исполняй быстро! Я на броне.

Наконец до водителя дошло, что от него требуют. Рванул так резво, что Рая чуть не слетела. Медленно огородами миновали квартал. Послышалась пулемётная очередь, выстрел из пушки. Рая рассвирепела:

— Чего крадёшься, надай газу, пока фашисты не опомнились. Их танк уже башню поворачивает! Стреляй!

Выстрел прямой наводкой — башня с немецкого панциря соскочила, как верхушка круто сваренного яйца от точного удара острого ножа. Окоп накрылся, автоматчик, оставшийся в живых, поднял руки.

В погребке холодно. Егорка, задув свечу, поднялся наружу — ни мамы, ни брата. Опять один. В пролом будки выглянул на улицу — увидел окровавленного Юргена, кинул в него камешек — тот не шевелился. Однако лезть поверх него побоялся: всё же мертвец.

В штабном дворе валялось много интересного: металлическая лента с патронами, топор, цилиндрический котелок, немецкая каска, штык, похожий на длинное шило, банка ветчины — всё это Егор по-хозяйски складывал на доску. Особенно заинтересовали ножницы с короткими ножами и длинными деревянными ручками. Раздвинул их, сдвинул. Подумал: “А что, если ими колючую проволоку разрезать?” Попробовал — получилось легко. Опрометью побежал к воротам и калитке, начал кромсать ограду с невыразимой яростью, накопившейся за два года заточения — раздаются щелчки, ласкающие слух, один за одним, один за одним... Дорожку колючки нащёлкал, случайно наступил и опомнился: трава высокая, кусочки маленькие, незаметные —

нехорошо, вдруг кто-нибудь поранится. Собрал их в кучку и отнёс в сторону. Стал стричь длинными частями. Устал, передохнул, снова принялся за работу и тут услышал выстрелы, словно из пугача, только быстрые, потом грохот. Егор замер: “Там бой, а я не помогаю!” — Не зная, что делать, даже сел. Сзади мёртвый Юрген. Спереди ещё два ряда проволоки. Они мешают открыть калитку!..

И тут напротив ворот раздался рёв двигателя и лязг железа. Егор подполз к дырочке и увидел танк. Со звездой! Наш! На нём мама и Олег. Закричал что есть сил:

— Я здесь!

Он в одно мгновение срезал остатки колючки, отшвырнул их, распахнул калитку и очутился на улице, залитой солнечным светом.

На землю прыгнул крепкий танкист в чёрном шлеме, посмотрел пронизательным взглядом и пожал Егору руку, как взрослому:

— Ну, ты — герой. Сам справился! И мама у тебя смелая, и брат. Принимай пополнение, доставил в целости и сохранности.

Штурм Славянска продолжался день с небольшим, потери были ничтожными. Как только на западных окраинах города стихли последние залпы, Рая, Олег и Егор пошли к Вадиму. Война в очередной раз пощадила его дом. Мама встретила приветливо, ей пожелали здоровья и положили на грудь букет бессмертника, выращенного в тайне от жандармов за зарослью крапивы. Клава с сыном уединились на кухне. Рая достала коробочку и протянула Вадиму:

— Спасибо тебе за всё. Прими от нас скромный подарок.

— Он — лишний, во время войны по-другому нельзя.

— Ты раскрой, это серьги для дочери, пусть украсит себя на свадьбе.

Вернулась Клава, вместе они поцеловали маму:

— Вам особая благодарность, что воспитали такого доброго и смелого сына.

Вскоре заработала почта. От Андрея пришла весточка: “Жив, здоров, жди. Крепко целую”.

Рая на номер воинской части отослала два ранее написанных с Егоркой письма, ещё одно от себя, с любовью, и другое — от сына, в нём он сообщил: “Папа Славянск от фашистов освободили. Бей их на всех фронтах!”

Через неделю к Рае заглянул Степан и рассказал последние новости, что у дядюшки устроился в депо рабочим, в ближайшие дни поступит в училище, выучится, как он, на механика, порадовался, что мама уже там работает, и пригласил в гости.

Через семьдесят лет после освобождения Славянска от фашистов и их приспешников бойцы Донецкой Народной Республики в течение двух с половиной месяцев обороняли город, но вынуждены были отступить, и Славянск перешёл в руки украинских военных...